Маэстра

Автор:
Л. Хилтон

Маэстра

Л. С. Хилтон

Она всегда добивается поставленной цели!

Днем она работает в престижном лондонском аукционном доме, а ночью развлекает пресыщенных мужчин в престижном баре столицы.

Она знает, что должна играть по правилам, если хочет попасть в высшее общество, и старается вести себя соответствующим образом. Но честные старания Джудит выбиться в люди терпят крах, когда ее увольняют за раскрытие темной тайны в самом сердце мира искусства. И в девушке просыпается хищник. И вот она уже на Французской Ривьере. Теперь ничто и никто не сможет остановить Джудит на ее пути к вершине…

«Маэстра» – это стильный, эффектный остросюжетный детектив, первая книга трилогии, в которой действует прекрасная и жестокая Джудит Рэшли, чьи поступки невозможно предсказать до последней страницы.

Впервые на русском языке!

Л. С. Хилтон

Маэстра

Скандинавскому богу Всего с благодарностью

L. S. Hilton

MAESTRA

Copyright © L. S. Hilton 2016

All rights reserved

Originally published in the English language as Maestra by Zaffre, an imprint of Bonnier Publishing Fiction, London

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Publishing Fiction

The moral rights of the author have been asserted

© Н. Пресс, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА

Пролог

По паркету зашуршали тяжелыми подолами платья, призывно застучали каблуки. Пройдя по коридору, мы очутились перед двустворчатой дверью и по доносившемуся из-за нее приглушенному шепоту поняли, что нас уже ждут. В мягком свете свечей между диванами и низкими креслами были расставлены столики. Нас ожидали мужчины в пижамах из плотного черного атласа, отделанных шнурами, блестящая ткань отбрасывала отблески на

накрахмаленные рубашки. На запястьях мерцали массивные золотые цепочки или элегантные часы, роскошные шелковые платки украшали вышитые монограммы. Зрелище выглядело бы театрально и неестественно, если бы все не было идеально продумано до малейших деталей, однако меня больше завораживало замедлившееся, гулкое биение собственного сердца. К Иветте тут же подошел мужчина с павлиньим пером на манжете и увел ее в сторону. Подняв глаза, я увидела, как ко мне подходит другой джентльмен – в его петлице красовалась такая же гардения, как и на моем платье.

– Так вот как здесь все устроено?

– Это только на время ужина. Потом вы можете выбрать партнера на ваше усмотрение. Bonsoir[1 - Добрый вечер (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.].

– Bonsoir.

Мой кавалер оказался высоким и стройным, хотя суровое, испещренное морщинами лицо выдавало его возраст. Зачесанные назад седеющие волосы открывали высокий лоб и большие глаза со слегка набрякшими веками. Он напомнил мне святых с византийских фресок. Мужчина проводил меня к дивану, подождал, пока я не присяду, и протянул хрустальный бокал с прозрачным и ледяным белым вином. Все происходило крайне формально, но мне нравилась эта продуманная до мелочей хореография. Жюльену явно были по душе предстоящие развлечения. В зал вновь вошли официантки, в основном обнаженные, и принялись разносить выложенные на подносах крошечные рулеты с лобстерами, ломтики утиной грудки в медово-имбирном соусе и птифуры с малиной и клубникой, но даже столь изысканные лакомства не могли удовлетворить наш аппетит.

– Когда женщина ест фрукты красного цвета, то становится совершенно потрясающей на вкус, – заметил мой партнер.

– Знаю.

Некоторые пары вполголоса переговаривались, но в основном молча пили вино и наблюдали друг за другом, переводя взгляд с гостей на грациозных официанток с телами танцовщиц. Я сразу заметила, что все они стройные, но с крепкими мышцами – особенно выделялись мощные икры, сразу над голенищем сапог.

Наверное, танцовщицы из кордебалета решили подработать. В противоположном углу зала я разглядела Иветту: кавалер кормил ее инжиром с миндалем, накалывая их на миниатюрную серебряную вилку. Тело моей подруги напоминало змею, темные бедра едва прикрывал красный шелк. Официантки бесстрастно курсировали по залу, гася свечи одну за другой. В воздухе запахло воском, и тут на мое бедро легла мужская рука. Не спеша он поглаживал меня настойчивыми, но легкими движениями, и я, отвечая на его ласки, ощутила приятное напряжение между ног. Девушки расставили по всей комнате лакированные подносы с презервативами, маслом монои в хрустальных флаконах и лубрикантом в изящных пиалушках. Некоторые мужчины уже целовали своих партнерш, радуясь, что нашли подходящую пару, другие, вежливо извинившись, вставали и направлялись к выбранной заранее жертве. Задранное платье Иветты открывало ее раскинутые в стороны ноги, между которыми виднелась голова партнера. Я поймала взгляд Иветты, и она улыбнулась своей роскошной улыбкой, а потом запрокинула голову назад и упала на подушки, словно находящийся в экстазе наркоман.

Часть первая

Взгляд снаружи

1

Если вы спросите меня, с чего началась эта история, то я должна признаться, что в первый раз все вышло совершенно случайно. Как-то вечером, около шести, когда город начинал быстрее вращаться вокруг своей оси, а на улицах дул резкий майский ветер, я ехала в подземке. На станции было полно народу, душно и влажно, под ногами валялись выброшенные рекламные буклеты и обертки от фастфуда; вездесущие, чересчур вычурно одетые туристы резко выделялись на фоне сдержанных лондонцев с землистым цветом лица, которые возвращались с работы домой. Я стояла на платформе на станции «Грин-парк» на линии Пикадилли, направляясь домой после очередного потрясающего начала очередной потрясающей рабочей недели на моей невероятно престижной работе, где начальство помыкало мною как хотело и относилось как к пустому месту. С противоположной стороны платформы только что отошел поезд, и толпа, словно по команде, издала тихий стон, увидев табло, на котором

было написано, что электричка в нашу сторону застряла на станции «Холборн». Наверное, опять кто-то бросился на рельсы. По лицам ожидающих было совершенно ясно, о чем они думают: ну почему эти ребята вечно решают расстаться с жизнью именно в час пик?! Пассажиры с только что ушедшего поезда наводнили платформу. Среди них ярким пятном выделялась девушка на умопомрачительной высоты каблуках и платье бандо ярко-синего цвета. Кажется, из последней коллекции Алайи, продаваемой в «Заре». Наверное, едет на Лестер-сквер, как и остальные лузеры-провинциалы. Прическа у нее была тоже выдающаяся: огромная копна искусственно наращенных волос темно-фиолетового цвета с золотистыми прядями, отражавшими неоновый свет ламп подземки.

– Джуди-и-и! Джуди! Это ты?! – радостно помахала мне незнакомка, но я притворилась, что ничего не заметила. – Джуди, я тут!

На нас стали оборачиваться. Девушка протиснулась подозрительно близко к желтому ограждению и закричала:

– Это я! Лианна!

– Вам там подруга машет, – окликнула меня какая-то добрая самаритянка, решив, что обязана помочь.

– Встречаемся наверху! – прокричала Лианна через толпу.

Последнее время мне редко приходится общаться с людьми с таким акцентом. Если честно, я и не думала, что когда-нибудь снова услышу этот голос. Лианна твердо вознамерилась дождаться меня, а поезд все не ехал, поэтому я закинула тяжелый кожаный брифкейс на плечо и начала проталкиваться через толпу к выходу. Лианна ожидала меня в переходе между платформами.

– Приветище! А я тебя сразу узнала!

– Привет, Лианна, – осторожно ответила я без особого энтузиазма.

Она просеменила разделявшие нас пару метров на своих каблучищах и бросилась мне на шею, как будто нашла сестру, с которой ее разлучили в

детстве. Ну надо же!

– Нет, вы только гляньте, а?! Настоящая бизнес-леди! Я и не знала, что ты тоже переехала в Лондон!

Конечно не знала. Мы не общались уже лет десять. Я вообще не особо умею поддерживать отношения с фейсбучными друзьями, да и лишний раз вспоминать о том, откуда я родом, у меня нет никакого желания… Поймав себя на таких размышлениях, я почувствовала себя настоящей сучкой и решила как-то реабилитироваться.

– Классно выглядишь, Лианна. Прическа что надо!

– Ну, вообще-то, меня теперь зовут не Лианна, а Мерседес!

– Мерседес?! Ммм… красивое имя. Я предпочитаю, чтобы меня звали Джудит, как-то солиднее звучит.

– Нет, ну ты глянь, а?! Мы стали такие взрослые!

Не думаю, что на тот момент я чувствовала себя взрослой. Да и Лианна вряд ли.

– Слушай, у меня еще час до работы, – сказала она с режущим ухо акцентом. – Может, выпьем где-нибудь по коктейльчику? Поболтаем о том о сем?

Я, конечно, вполне могла сказать, что занята и очень спешу, записать ее номер телефона и притвориться, будто и правда собираюсь ей позвонить. Но куда мне спешить? Некуда. К тому же что-то в ее с детства знакомом голосе заставило меня ощутить одновременно и одиночество, и радость. Денег у меня оставалось всего две двадцатки, а зарплата еще через три дня… Хотя ладно, вдруг что-нибудь подвернется…

– Конечно, – ответила я, – давай я тебя угощу! Пошли в «Риц».

Два коктейля с шампанским в баре «Риволи» обошлись в 38 фунтов. У меня осталось два наличкой и еще двенадцать на карточке. Что ж, до конца недели придется затянуть пояс потуже. Глупо, наверное, пытаться пустить пыль в глаза

бывшей однокласснице, но иногда просто надо заявить о себе миру. Лианна, то есть Мерседес, радостно схватила бокал рукой с наращенными ногтями цвета фуксии и бодро отхлебнула пузырящийся «Мараскино».

– Чертовски мило с твоей стороны, спасибки! Хотя, вообще-то, я теперь предпочитаю «Редерер», – ненавязчиво поставила меня на место Лианна.

– Я тут работаю неподалеку, – упорно гнула я свою линию. – Искусством занимаюсь, работаю в аукционном доме. Специализируюсь по старым мастерам, – соврала я без всяких угрызений совести, потому что прекрасно знала, что Лианна не отличит даже Рубенса от Рембрандта.

– Круть! – присвистнула та, но тут же заскучала и принялась помешивать коктейль соломинкой.

Похоже, уже жалеет, что позвала меня в бар, подумала я, но совсем не рассердилась, а, наоборот, поймала себя на жалком желании произвести на нее впечатление и понравиться.

– Звучит-то круто, – доверительным тоном сообщила я, чувствуя, как бренди и жженый сахар проникают в кровь, – только вот платят копейки. Я на мели, если честно.

Мерседес тут же принялась рассказывать, что живет в Лондоне уже год и работает в элитном баре в Сент-Джеймсе.

– Считается, типа, классное заведение, но ходят в основном всякие старые пердуны, как везде… Не, ничего такого, ты не подумай! – затараторила она. – Это просто бар! Но вот чаевые что надо!

Она утверждала, что зарабатывает две штуки в неделю.

– Хотя на такой работенке толстеешь, – грустно покачала она головой, пытаясь ухватить себя за несуществующий живот. – Столько пить приходится… Зато бесплатно! Если что, можно вообще в горшки с цветами выливать – нам так Олли говорит.

– Олли?

– Хозяин. Слушай, Джуди, а ты бы зашла к нам при случае! Если тебе деньги нужны, так там можно нормально подхалтурить! Олли всегда рад новым девочкам! Хочешь еще коктейль?

К столику напротив подошла пожилая пара, оба были одеты нарядно, но сдержанно и со вкусом. Дама неодобрительно посмотрела на покрытые автозагаром ноги Мерседес и ее декольте. Мерседес развернулась в ее сторону и, не сводя с женщины глаз, медленно раздвинула ноги, а потом закинула одну на другую, чтобы старая ханжа успела хорошенько разглядеть ее черные кружевные стринги и сразу поняла, у кого из них проблемы.

– Так вот, – снова повернулась она ко мне, когда покрасневшая как рак дама уткнулась в меню, – у нас там весело! Девчонки со всей страны! А ты будешь выглядеть суперски, если тебя немножко подкрасить да нарядить! Поехали!

Я опустила глаза, разглядывая свой черный твидовый костюм от «Сандро». Приталенный пиджак, короткая плиссированная юбка. Образ задумывался как намеренно кокетливый, профессиональный, слегка в духе парижского «Рив Гош», – по крайней мере, так я себя утешала, в сотый раз неуклюже подшивая распустившиеся швы. Надо признать, что рядом с Мерседес я выглядела унылой вороной.

– Прямо сейчас?

– А почему бы нет? У меня в сумке всякого барахла навалом.

– Ну не знаю, Лианна…

– Мерседес.

– Ах да, прости.

– Поехали, наденешь мой кружевной топ! С твоими сиськами будет офигенно! Или у тебя свиданка?

– Нет, – ответила я, допивая свой горьковатый с пузырьками напиток. – Нет, свиданки у меня в планах на сегодня нет.

2

Где-то я прочитала, что причинно-следственные связи защищают нас от непредвиденных обстоятельств и ужасающей воли случая. Почему я все-таки решила поехать с Лианной? День был самый обыкновенный, не хуже, чем всегда. Но решения обычно принимаются спонтанно и без раздумий над последствиями, как бы нам ни хотелось верить в обратное. В мире искусства есть всего два стоящих аукционных дома. Только они заключают сделки на сотни миллионов фунтов, только они занимаются коллекциями отчаявшихся лордов и пытающихся выбиться в элиту олигархов, только они хранят в безмолвных, словно музей, комнатах тысячи лет искусства и высочайшего мастерства, а потом превращают его в возбуждающую своим хрустом наличку. Три года назад я устроилась на работу в «Британские картины» и решила, что наконец-то добилась своего. Уже через пару дней я поняла, что к чему. Довольно быстро до меня дошло, что единственные люди, которым искренне небезразличны картины, – это носильщики, занимающиеся непосредственной переноской шедевров с места на место. Остальным на все плевать, они могли бы с тем же успехом втюхивать клиентам спички или сливочное масло. Меня взяли сюда, потому что у меня прекрасное резюме, я привыкла усердно работать и в целом неплохо разбираюсь в живописи, но скоро я поняла, что до высоких стандартов аукционного дома мне как до луны. После пары недель работы в отделе стало ясно, что тут всем плевать, можешь ли ты отличить Брейгеля от Боннара, – тут нужно было обладать нюхом на совершенно другие вещи.

И все-таки спустя три года я не могла не признать, что многое меня радовало. Мне нравилось каждое утро, минуя швейцара в униформе, входить в наполненное запахом орхидей фойе. Мне нравилось, как клиенты с благоговением смотрят на экспертов, пока я поднималась по внушительной дубовой лестнице. Здесь все выглядело как полагается: триста лет безупречной истории. Мне нравилось подслушивать разговоры, которые вели секретарши по работе с европейскими клиентами. Девушки нежно щебетали на французском и итальянском и при этом встряхивали безупречно уложенными волосами. Мне нравилось, что, в отличие от них, я не ставила себе целью всей жизни захомутать заезжего банкира. Я гордилась тем, что благодаря усердной работе практиканткой в течение года меня взяли на должность ассистента в «Британских картинах». Разумеется, надолго задерживаться в этом отделе я не

собиралась. В мои планы совершенно не входило остаток жизни любоваться на написанных маслом собак и лошадей.

День, когда мы с Лианной столкнулись в подземке, начался с того, что Лора Бельвуар, замначальника отдела, прислала мне электронное письмо с рубрикой «Срочное задание!». Правда, само письмо оказалось пустым. Я подошла к ее столу и спросила, что нужно сделать. Наше начальство недавно съездило на курсы повышения квалификации для менеджеров, и Лора очень впечатлилась идеей электронного общения с коллегами, вот только печатать на компьютере она так и не научилась.

– Надо установить подлинность и составить описание нескольких работ Лонги.

Мы как раз готовили серию «разговорных портретов» этого венецианского художника для грядущего аукциона в Италии.

– Хочешь, чтобы я сверила все, что в наличии на складе?

– Нет, Джудит! Этим занимается Руперт! Сходи в Хайнц, узнай, можно ли идентифицировать лоты.

Руперт, глава отдела, редко появлялся на работе раньше одиннадцати. Архив Хайнца – огромный каталог изображений. Мне нужно было узнать, какие именно мелкие английские лорды XVIII века могли позировать для картин Лонги, поскольку наличие конкретных имен сделает эти работы более привлекательными для потенциальных покупателей.

– Хорошо. Дай мне, пожалуйста, фотографии.

– Они в библиотеке, – утомленно вздохнула Лора. – С пометкой «Лонги/весна».

«Британские картины» занимали целый квартал, поэтому от отдела до библиотеки я дошла за четыре минуты. Каждый день мне приходилось бегать туда-сюда по нескольку раз. Несмотря на то что, по слухам, здание было отреставрировано в духе XXI века, внутренним устройством он до сих пор напоминал банк Викторианской эпохи. Сотрудники сновали туда-сюда по длиннющим коридорам, чтобы передать друг другу распечатанные документы.

Архив и библиотека даже не были оцифрованы, в кабинетах сидели призрачные фигуры в духе Диккенса, в отчаянии склонившись над высоченными горами счетов и фотокопиями договоров в тройном экземпляре. Наконец мне удалось найти конверт с фотографиями, я вернулась в отдел, взяла сумочку, и тут у меня зазвонил телефон.

– Алло! Это Серена с ресепшен. Мне тут брюки Руперта принесли.

Я обреченно поплелась вниз, забрала огромный пакет от портного Руперта, который принес курьер, и отнесла его в отдел. Лора негодующе посмотрела на меня:

– Ты еще здесь, Джудит? И чем ты все это время занималась? Ну раз уж ты тут, будь любезна, принеси мне капучино! Только в столовую не ходи, сбегай в то чудное местечко в «Краун пассаже». И чек не забудь забрать.

Сгоняв за кофе, я наконец пошла в архив. У меня в сумочке лежало пять фотографий: картины изображали сцены в театре «Феникс», на набережной Дзатерре и в какой-то кофейне на мосту Риальто. Через пару часов рытья в каталоге я составила список из двенадцати подходящих личностей, которые были в Италии в период создания портретов. Затем для большей достоверности я сверила индексы Хайнца с получившимися результатами и снова пошла к Лоре.

– Это еще что такое?! – уставилась она на меня.

– Вы же сами попросили заняться портретами Лонги…

– Эти картины мы продали шесть лет назад! Джудит, ну в самом деле… Я же утром отправила тебе фотографии по почте! Прикрепила к пустому письму!

– Лора, но вы же сказали, что они в библиотеке…

– В электронной библиотеке!

Я молча отправилась за свой стол, вошла в онлайн-каталог нашего отдела, нашла нужные фотографии в папке под гордым именем «Ланги», скачала их себе на телефон и снова пошла в Архив Хайнца, все еще пытаясь прийти в себя

после выволочки, которую мне устроила начальница. Я успела все сделать как раз к ее возвращению из ресторана «Каприз», где Лора обедала с двумя обиженными клиентами, которых вовремя не уведомили о времени частного просмотра интересующих их лотов. Быстро составив нужные биографии, я отослала их по почте Лоре и Руперту, показала Лоре, как открывать вложения в электронные письма, съездила на подземке на склад Музея декоративно-прикладного искусства рядом с Челси-Харбор взглянуть на образец шелка, который, по мнению Руперта, мог подойти в качестве фона для работ Лонги, разумеется, обнаружила, что ткань совершенно не подходит, вернулась на работу пешком, так как на Кольцевой случился затор на станции «Эдгар-роуд», а по дороге еще успела забежать в универмаг «Лиллиуайт» на Пикадилли, чтобы забрать спальный мешок для сына Лоры, который собрался в поход вместе с одноклассниками, и наконец в половине шестого снова очутилась в отделе, совершенно выдохшаяся и злая на весь мир, но вместо благодарности получила лишь очередной выговор за то, что пропустила организованный для сотрудников отдела просмотр тех самых картин, над которыми я трудилась все утро.

– Джудит, право слово, так нельзя, – поморщилась Лора, – ты никогда ничему не научишься, если будешь бегать по городу вместо того, чтобы смотреть на произведения искусства!

Если не принимать во внимание таинственные кармические переплетения линии судьбы, то в любом случае совершенно неудивительно, что, когда вскоре после всего этого я столкнулась в подземке с Лианной, мне отчаянно захотелось выпить.

3

На собеседовании в клубе «Гштад» в тот вечер со мной разговаривал Олли – хозяин клуба, мрачный финн огромного роста, по совместительству – швейцар и вышибала. Пристально изучив мой кружевной просвечивающий топик, в который я быстренько переоделась в туалете отеля «Риц», он спросил:

– Пить умеешь?

– Ну она же из Ливерпуля! – хихикнула Мерседес, и больше вопросов мне не задавали.

Следующие два месяца я работала в клубе по четвергам и пятницам. Часы работы вряд ли пришлись бы по нраву большинству людей моего возраста, но походы в бар с коллегами после работы в аукционном доме не приветствовались. В клубе решительно все было старомодной фальшивкой, начиная с названия. Настоящей здесь была лишь наценка на шампанское – от таких цифр у кого угодно слезы на глаза навернутся. На самом деле заведение мало чем отличалось от «Аннабель», видавшего виды ночного клуба за пару кварталов отсюда на Беркли-сквер. Давно вышедшие из моды желтые стены, черно-белые фотографии, контингент из слегка обрюзгших мужчин в возрасте, стайки скучающих девушек, которые не были проститутками в прямом смысле слова, просто всем ведь надо как-то за квартиру платить. Работа была проще простого. Примерно за полчаса до открытия клуба, то есть в половине девятого, около десяти девушек приходили на отбор, который проводил бармен Карло, всегда одетый в безупречно отглаженную, но слегка вонючую белую куртку. Кроме него, в клубе еще работала дряхлая бабулька, служившая гардеробщицей, и Олли. Ровно в девять Олли открывал вход в клуб и мрачно шутил: «Ну, девчонки, попки наголо!»

После открытия мы примерно с час болтали между собой, листали модные журналы и писали сообщения, а потом начинали подтягиваться клиенты, почти всегда приходившие по одному. По правилам клуба они выбирали приглянувшуюся им девушку и вместе с ней удалялись в одну из обитых розовым бархатом ниш. Все это действо называлось «забронировать спутницу». Задача забронированной дамы состояла в том, чтобы раскрутить клиента на как можно большее количество бутылок шампанского, продававшегося в баре по смехотворно высоким ценам. Зарплаты как таковой у нас не было, нам полагалось десять процентов от стоимости каждой бутылки плюс чаевые, которые клиент оставлял на свое усмотрение. В первый вечер я с трудом встала из-за стола после наполовину выпитой третьей бутылки, кое-как дошла до гардероба и попросила бабульку придержать мне волосы, пока меня выворачивало наизнанку.

– Дурочка, – мрачно пожурила она меня, – ты зачем столько выпила-то?

Я быстро сообразила, что к чему. Карло подавал шампанское в огромных бокалах размером с аквариум, а мы втихаря выливали все в ведерко со льдом или в цветочные горшки, как только наш клиент отходил от столика. Другая тактика состояла в том, чтобы убедить клиента пригласить за наш столик «подружку» и угостить ее. Все девушки ходили в закрытых туфлях на каблуке и никогда не

надевали босоножек, потому что еще можно было поддразнить клиента и предложить ему испить вина прямо из туфельки. Вы даже не представляете себе, сколько шампанского входит в «лубутен» тридцать девятого размера. Если и этот номер не прокатывал, то мы просто проливали шампанское на пол.

Поначалу я вообще не понимала, как заведение держится на плаву. Тут все было выдержано в духе Эдвардианской эпохи: примитивный флирт с одной из нас по совершенно грабительским ценам. Зачем мужикам так заморачиваться, если в любой момент можно заказать себе проститутку на любой вкус, воспользовавшись специальным приложением для айфона? Это все выглядело чертовски старомодно, однако вскоре я поняла, почему все эти парни продолжали приходить в «Гштад». Секс как таковой их совершенно не интересовал, хотя бывало, что кто-то из клиентов мог начать распускать руки после энного количества «аквариумов» с шампанским. Эти мужчины не были игроками по натуре, они о таких приключениях даже не мечтали. Заурядные женатики среднего возраста просто хотели на несколько часов притвориться, будто у них настоящее свидание с симпатичной девушкой, которая к тому же хорошо одета и воспитанна, да еще и готова поговорить с ними. Мерседес, с ее накладными ногтями и наращенными волосами, выступала в амплуа плохой девчонки и работала с клиентами, которым хотелось чего-нибудь этакого, а вообще Олли предпочитал, чтобы мы одевались в простые, хорошо скроенные платья, умеренно пользовались косметикой, всегда были аккуратно причесаны и носили неброские украшения. Наши посетители не хотели рисковать, не хотели ни с кем из нас связываться, боялись, что обо всем узнает жена, а может, у них просто были проблемы с эрекцией. Как ни прискорбно, им нужно было лишь одно – почувствовать себя желанными хотя бы на один вечер.

Олли знал рынок этих услуг как свои пять пальцев и делал свое дело безукоризненно. В клубе был крошечный танцпол – бармен Карло выступал по совместительству диджеем, – и у наших парней складывалось ощущение, что они в любой момент могут закружить нас в танце, хотя нам запрещалось самим предлагать им нечто подобное. Меню было довольно приличным: вполне съедобные стейки, гребешки и мороженое с фруктами и орехами. Мужчины среднего возраста обожают смотреть, как девушки поглощают сладости, от которых можно растолстеть. Разумеется, стоило нам отлучиться в дамскую комнату, как мы тут же избавлялись от съеденных лакомств. Если девушка принимала наркотики или вела себя слишком развязно, ее вышибали из клуба на следующий же день. В правилах заведения было вежливо сказано, что посетителям строго запрещено предлагать юным леди встретиться за пределами клуба. Они должны были восхищаться нами на расстоянии.

Вскоре я заметила, что с нетерпением жду наступления вечера в четверг и пятницу. За исключением Лианны (я все никак не могла привыкнуть называть ее Мерседес), девушки не пытались набиваться мне в подруги, но и не отталкивали, вели себя мило, но особого любопытства не проявляли. Моя жизнь, судя по всему, их совершенно не интересовала, возможно, потому, что они и сами никогда не рассказывали правду о своей реальной жизни. В первый вечер, когда мы с Лианной слегка нетвердой походкой шли по Альбемарль-стрит, она заявила, что мне стоит выбрать сценическое имя для работы в клубе. Мое второе имя Лорен подходило просто идеально – нейтральное, ничего не говорящее, самое обычное имя.

В клубе все думали, что я изучаю историю искусства. Судя по всему, почти все девушки учились на программах MBA, возможно, кое-кто из них и не врал. Англичанок среди них не было, и похоже, что наши клиенты считали нас кем-то вроде Элизы Дулитл, которая отчаянно пытается наскрести денег на учебу, подрабатывая в баре, – эта история задевала струны их нежных мужских душ. Лианна старалась по возможности скрыть свой ливерпульский акцент, но иногда перегибала с этим палку. Я тоже поработала над своим произношением, выбрав вариант, которым пользовалась на работе и который в последнее время слышала даже в своих снах, но постаралась, чтобы мой голос звучал более естественно, – Олли был просто в восторге, говорил, что у меня шикарное произношение.

На моей дневной работе на Принс-стрит существовали миллионы мелочей, составлявших обязательный кодекс поведения, недоступный посторонним. Там люди с первого взгляда могли с точностью до миллиметра определить твое положение на социальной лестнице. Выучить эти правила оказалось куда сложнее, чем устанавливать авторство неизвестных шедевров, потому что если ты был своим, то должен был все понимать без слов. Я потратила кучу времени, чтобы научиться правильно говорить и ходить, и вполне могла произвести впечатление на неискушенного зрителя вроде Лианны, бывшей в восторге от моей поразительной трансформации. Однако где-то в недрах аукционного дома была спрятана связка ключей Алисы в Стране чудес, до которой мне никогда не добраться, – ключей, отпиравших двери даже в крошечные сады, обнесенные совершенно неприступными стенами, поскольку эти стены были невидимыми. Зато в «Гштаде» я считалась крутой, и девочки, если они вообще об этом задумывались, полагали, что быть женой известного футболиста или актрисой второго плана, сплетнями о которых пестрили страницы журнала «OK!», – одно и то же. Разумеется, в каком-то смысле так оно и есть.

Разговоры в клубе велись в основном об одежде, о приобретении очередных дизайнерских туфель или сумочек, ну и конечно, о мужчинах. Некоторые утверждали, что у них есть постоянные бойфренды, многие из них оказывались женатыми, что давало девушкам возможность бесконечно жаловаться на свою судьбу. Другие просто с кем-то встречались, что давало им возможность бесконечно жаловаться на неудавшееся свидание с очередным идиотом. Наталии, Анастасии, Мартине и Каролине казалось само собой разумеющимся, что все мужики – козлы и терпеть их стоит только ради новых туфель, сумочек и субботних походов в японский ресторан в районе Найтсбридж. Они постоянно обсуждали, что их мужчины написали в эсэмэсках, как часто они им пишут и насколько страстно, но хоть какие-то эмоции у них вызывали лишь те случаи, когда оказывалось, что мужчина им с кем-то изменяет или дарит недостаточно много подарков. Они обсуждали возможные варианты развития событий, подтверждая свои версии красноречивыми цитатами из эсэмэсок, плели интриги и гордо заявляли, что у их мужчины есть яхта, а то и самолет. Но они никогда не говорили, что получают от этого удовольствие. Никому из нас и в голову не приходило задуматься о любви, мы вообще не употребляли этого слова. Нашей валютой стала ухоженная кожа и крепкие бедра, а такие вещи ценят только те, кто уже пожил на свете достаточно долго, чтобы принимать молодость как должное. Пожилые мужчины, по общему мнению девушек, были куда удобнее, хотя на них все время жаловались за их физические недостатки. Лысина, запах изо рта и прием виагры – жестокая реальность, которая тщательно скрывалась за кокетливым обращением с клиентами, и девушки лишь изредка позволяли себе прямо сказать об отвращении к этим старым пердунам и поплакаться в жилетку кому-нибудь из подруг.

В «Гштаде» у меня впервые появились подружки, и мне было даже немного стыдно из-за того, какую радость я испытывала от этого факта. В школе у меня подруг не было. Я регулярно приходила домой с фингалами, вела себя довольно высокомерно и агрессивно, часто прогуливала, от души наслаждалась хорошим сексом, а вот на подружек у меня времени не оставалось. Между мной и Лианной существовала негласная договоренность, что мы знаем друг друга с детства, вместе выросли где-то на севере, но нашу детскую дружбу ни с кем не обсуждаем, если, конечно, можно считать дружбой совместные попытки окунуть кого-нибудь из одноклассниц головой в унитаз. Кроме Фрэнки, секретарши нашего отдела, других подруг у меня не было. Я снимала квартиру вместе с двумя честными кореянками. Мы повесили в ванной комнате график уборки и безукоризненно соблюдали его, а других общих тем для разговоров у нас как-то не нашлось. За исключением женщин, с которыми я знакомилась на закрытых вечеринках, куда меня частенько приглашали, от представительниц слабого

пола я не ожидала ничего, кроме враждебности и насмешек. Сплетничать, давать советы и выслушивать бесконечные рассказы о несчастной любви я так и не научилась, а вот в этой компании я наконец-то смогла найти свое место. Раньше в подземке я читала исключительно «Берлингтон мэгэзин» и «Экономист», а теперь их место заняли журналы «Жара» и «Вблизи», чтобы при смене темы с мужчин на бесконечные мыльные сериалы и сплетни о кинозвездах я могла вставить словечко. Девушкам я загадочно говорила, что мое сердце разбито, тонко намекая на то, что делала аборт и поэтому ни с кем не встречаюсь. Я говорила, что не готова к отношениям, и с наслаждением выслушивала советы подруг, которые предлагали забыть всю эту историю и открыться навстречу новым возможностям. О своих необычных ночных похождениях я никому не рассказывала. Я вдруг поняла: меня вполне устраивает жизнь в этом странном тесном мирке вдали от реальности, в котором не было решительно ничего настоящего, и наконец-то я ощутила себя в безопасности.

Насчет денег Лианна не соврала, разве что немного преувеличила, но в любом случае сумма выходила внушительная. Процент от выпитого шампанского уходил на оплату такси до дому, а чистыми я зарабатывала не меньше 600 фунтов в неделю – смятые пятидесятки и двадцатки, которые клиенты оставляли мне на чай. Уже через две недели я, решив с толком потратить накопленное богатство, села в электричку и поехала в центр распродаж недалеко от Оксфорда, намереваясь совершить несколько серьезных инвестиций. На смену старушке «Сандро» наконец пришла черная юбка «Москино», за ней последовало ослепительно-белое коктейльное платье «Баленсиага», балетки «Ланвен», повседневное платье с принтом от Дианы фон Фюрстенберг. В довершение всего я пошла в дорогую стоматологию на Харли-стрит и сделала профессиональную чистку зубов и отбеливание, что в мою скромную страховку, разумеется, не входило, записалась в салон Ричарда Варда и постриглась так, что на первый взгляд прическа вроде бы не изменилась, но почему-то стала выглядеть в пять раз дороже. Все эти ухищрения не имели никакого отношения к моей работе в клубе. Для «Гштада» я купила несколько простых, недорогих платьев да еще прихватила кожаные туфли на каблуке «Луби». Вернувшись домой, я освободила в шкафу целую полку и аккуратно разложила свои сокровища, не снимая тонкой папиросной бумаги, в которую они были завернуты. Мне нравилось смотреть на них и пересчитывать, как будто я настоящий Скупой из мольеровской комедии. В детстве я восхищалась книгами Энид Блайтон, действие которых происходило в элитных школах Сент-Клер, Уайтлиф и Мэлори-Тауэрс. Эти наряды должны были стать для меня тем же, чем

для героинь этих книг была их элегантная школьная форма и клюшка для крикета.

Я проработала в клубе почти месяц, и тут появился он. Больше всего посетителей в «Гштаде» обычно бывало по четвергам, поскольку командированные еще не успевали разъехаться по своим захолустьям, но в тот вечер на улице лило как из ведра, и в баре было всего двое клиентов. Как только в заведение начинали прибывать клиенты, нам запрещалось доставать мобильники и журналы, поэтому девушки откровенно скучали, то и дело выходили покурить на крыльцо, стараясь не испортить под дождем прическу. Прозвенел звонок, и в зал вошел Олли:

– Грудь вперед, девочки! Сегодня вам повезло!

Через пару минут появился самый толстый мужчина из всех, кого я видела за всю жизнь, точнее, сначала вошел его живот, а потом уже его обладатель. Он даже не попытался залезть на барный стул, а тут же плюхнулся на ближайшую банкетку и раздраженно отмахнулся от подошедшего к нему Карло. Толстяк снял галстук и вытер с лица пот носовым платком. Вид у него был настолько неряшливый, что с такой непростой задачей мог справиться лишь высококлассный портной, которому явно пришлось нелегко. Под расстегнутым пиджаком выступал огромный живот, обтянутый бежевой рубашкой, шейные складки нависали над воротничком, казалось, даже его ботинки вот-вот лопнут. Толстяк огляделся и попросил стакан воды со льдом.

– Ой, давненько наш жиртрест не появлялся! – хихикнул кто-то из девочек.

Мы должны были создавать видимость оживленной беседы, то и дело встряхивать волосами, бросать друг на друга взгляды из-под ресниц, как будто ничего не заметили, и смирно ждать, пока клиент не сделает выбор. Толстяк долго не раздумывал: он тут же кивнул мне, растянув в улыбке пухлые щеки. Подойдя к нему, я сразу обратила внимание на военную полоску на снятом галстуке и кольцо с печаткой на пухлом мизинце. Да, дела…

– Меня зовут Лорен, – с придыханием представилась я. – Хотите, чтобы я составила вам компанию?

– Джеймс, – коротко бросил он.

Я уселась за столик, аккуратно скрестив щиколотки, и посмотрела на него восхищенным взглядом, хлопая ресницами. Нам было запрещено разговаривать с клиентами до того, как они сделают заказ.

– Полагаю, вы хотите чего-нибудь выпить? – проворчал он с таким видом, как будто хорошо знакомые правила нашего заведения все еще казались ему крайне оскорбительными.

– Спасибо, это было бы очень мило с вашей стороны.

– А что тут самое дорогое? – спросил он, даже не взглянув на меню.

– Кажется… – неуверенно начала я.

– Закажите то, что считаете нужным.

– Что ж, Джеймс, тогда бутылку «Кристаль» две тысячи пятого года. Что скажете?

– Заказывайте. Я не пью.

Я быстро кивнула Карло, боясь, что клиент передумает. Шампанское урожая 2005 года стоило баснословных денег, целых три тысячи. Так, значит, триста фунтов у меня уже в кармане! Добрый вечер, господин Кутила! Карло принес нам бутылку с таким видом, будто держал в руках новорожденного, но Джеймс тут же сделал ему знак отойти, открыл бутылку и со знанием дела наполнил бокалы-аквариумы.

– Лорен, а вы любите шампанское? – спросил он.

– Как сказать, – хитро улыбнулась я, – иногда оно, конечно, приедается…

– Тогда отдайте эту бутылку вашим подругам и закажите себе что-нибудь, что вам действительно нравится.

А в нем что-то есть, подумала я. Физически он был просто отвратителен, это правда, но в его поступке была какая-то смелость, он не требовал от меня, чтобы я притворялась. Я заказала себе «хеннесси» и принялась медленно потягивать коньяк, слушая его рассказы о работе, разумеется связанной с финансами. Потом он встал из-за стола и, с трудом передвигая ноги, ушел, оставив на столе пятьсот фунтов чаевых новенькими, хрустящими пятидесятками. В среду утром Лианна написала мне, что во вторник Джеймс заходил и спрашивал меня. В четверг он пришел через несколько минут после открытия. У некоторых девочек в нашем заведении были постоянные клиенты, но таких щедрых чаевых, как он, не оставлял никто, поэтому у меня сразу появился новый статус в нашей компании. К моему удивлению, особых признаков зависти у подруг я не заметила. В конце концов, бизнес есть бизнес.

4

Когда я начала работать в клубе, унижения на моей дневной работе перестали меня беспокоить и стали вызывать скорее раздражение. В «Гштаде» у меня была хотя бы иллюзия того, что я сама себе хозяйка. Я пыталась уговорить себя, что меня забавляет моя «настоящая» жизнь, происходящая всего в паре-тройке кварталов от Олли и девочек, – жизнь, в которой не было ни власти, ни особого смысла. В клубе я чувствовала себя победительницей каждый раз, когда клала ногу на ногу, а на своей «настоящей» работе, где мне полагалось делать карьеру, я все еще оставалась девочкой на побегушках. Мне не хотелось признавать этого, но у «Гштада» и самого элитного аукционного дома в мире было очень много общего.

Работа в «Британских картинах» часто приносила мне одни разочарования, но я до сих пор помнила, как впервые увидела картину, и это воспоминание согревало душу. Аллегорическое полотно работы Бронзино «Венера, Амур, глупость и время» в Национальной галерее на Трафальгарской площади. Эта картина до сих пор служит мне утешением не только из-за вычурной, таинственной элегантности композиции – игривая и невинно-эротичная, она при этом является мрачным напоминанием о неизбежности смерти, – но еще и потому, что никому из искусствоведов пока так и не удалось выдвинуть более или менее вероятную гипотезу о том, что же хотел сказать автор полотна. Красота этого шедевра тесно связана с недосказанностью, которая вызывает у зрителя раздражение.

Мы с классом поехали в Лондон. Несколько часов в душном автобусе, запах хот-догов и сырных чипсов, самые популярные девчонки болтают и ругаются на заднем сиденье, учителя выглядят на удивление беззащитно без своей привычной униформы. Мы постояли у ворот Букингемского дворца, потом пошли по Мэлл к галерее, там нам выдали беджи, которые мы прикололи на синюю школьную форму, и пропустили в залы. Парни тут же начали носиться по начищенному паркету, девочки отпускали громкие, вульгарные комментарии по поводу каждой обнаженной натуры. Я старалась держаться особняком, мне хотелось потеряться среди этих бесконечных коридоров, заполненных бесчисленными образами, и тут я увидела Бронзино.

У меня было такое ощущение, будто я оступилась и упала в яму, будто мозг не успевал за телом, погрузившись в состояние шока. На картине была изображена богиня, ее маленький сын, а над ними склонился таинственный старик. Тогда я понятия не имела, кто это такие, но внезапно почувствовала, что в моей жизни отчаянно не хватало именно этого: бесконечно созерцать смешение и плавные переходы нежных красок. А потом я ощутила желание, впервые поняв, чего у меня нет и чего мне так отчаянно хочется. Это было отвратительно. Отвратительно, потому что внезапно вся моя жизнь показалась мне уродливой, а от картины Бронзино исходило таинственное притяжение, какой-то неземной свет.

– Рэшерс пялится на голую бабу! – раздались у меня за плечом крики Лианны и ее подруг.

– Да она лесби!

– Лесби-лесби-лесби!!!

Их хриплые, скрипучие вопли беспокоили других посетителей, на них стали оборачиваться, и я покраснела как рак от нестерпимого стыда. Тогда у Лианны были волосы цвета апельсина, с жуткой перманентной завивкой, и на них было столько геля, что прическа больше напоминала клоунский парик. Лицо покрывал толстый слой тональника, ну и конечно размазанная жирная подводка на глазах. Подруги выглядели не лучше.

– Если дети не могут вести себя прилично, зачем их пускать в такое место? – произнес чей-то голос. – Я понимаю, вход бесплатный, но все-таки…

– Согласна, – отозвался другой женский голос, – они же настоящие дикари…

Дамы посмотрели на нас с таким видом, словно от нас дурно пахло. Вполне возможно, именно так они и думали. Презрение в этих мелодичных, интеллектуальных голосах вызвало во мне жгучую ненависть. Терпеть не могу, когда меня считают такой же, как мои одноклассницы! Лианна их тоже услышала и за словом в карман не полезла.

– Да пошли вы все! – агрессивно заявила она. – Или вы тоже хреновы лесбиянки?!

Дамы оторопело посмотрели на нее, но продолжать дискуссию не стали и чинно удалились в другой зал. Я с тоской глядела им вслед, а потом повернулась к одноклассницам:

– Они могут нажаловаться, и нас выгонят отсюда.

– Ну и чё? Тут все равно делать не хрен! Ты чё, Рэшерс, охренела?

Драться к тому времени я уже научилась. В те редкие дни, когда моя мать вспоминала, что у нее есть дочь, она пыталась лечить мои синяки и фингалы, но по возможности я старалась делать так, чтобы она ничего не замечала. Даже в редкие моменты нежности у меня складывалось ощущение, что она считает меня подменышем. В принципе, я могла врезать Лианне прямо там, однако, возможно, потому, что мы стояли около той самой картины, или потому, что те дамы еще не успели далеко отойти, мне не захотелось начинать драку, и я решила закрыть эту тему. Постаравшись принять как можно более презрительный вид, словно накинув на плечи меховое манто, я пыталась показать им, что они настолько ниже меня, что вообще не стоят моего внимания. После окончания школы мне и вовсе удалось убедить себя в том, что я выше всего этого. Два года я работала на заправке, подметала в парикмахерской, упаковывала заказы в китайской кухне, нещадно режа пальцы о фольгу и заливая кровью свинину в кисло-сладком соусе – излюбленное похмельное блюдо тех, кто перебрал в пятницу вечером. Мне удалось заработать денег на то, чтобы провести целый год в Париже и пройти месячный базовый курс по искусствоведению в Риме.

Мне казалось, что, когда я поступлю в университет, жизнь моя тут же изменится. Никогда раньше я не бывала в подобных местах и не общалась с

такими людьми. Эти небожители и здания были словно созданы друг для друга: на протяжении нескольких поколений существа с кожей медового цвета и оштукатуренные стены того же цвета объединялись благодаря кредиту на обучение, причем слияние это было совершенным с архитектурной точки зрения, продуманным до малейших, отшлифованных дыханием времени деталей. В колледже у меня были любовники, а вот подруг так и не появилось, что неудивительно, принимая во внимание мою внешность и особенно мои интересы. Я убеждала себя в том, что подруги мне не нужны, к тому же я много времени проводила в библиотеке, вечерами подрабатывала, поэтому успевала только читать книги, и не более того.

Обязательным списком литературы я ни в коем случае не ограничивалась: помимо Гомбриха и Бурдье, я запоем читала романы, жадно впитывая все подробности, касавшиеся загадочной жизни касты, в которую я так жаждала войти. Я училась правильно говорить, использовать соответствующие слова, знание которых отличает посвященных от простолюдинов. Я без устали изучала языки, ведь лишь французский и итальянский – истинные языки искусства. Читала «Монд» и «Форин афферс», «Кантри лайф» и «Вог», «Опера мэгэзин» и «Татлер», журналы о верховой езде, «Архитектурный дайджест» и «Файненшиал таймс». Научилась разбираться в винах, редких книжных переплетах и антикварном серебре, ходила на все бесплатные литературные вечера, сначала из чувства долга, а потом – с удовольствием, научилась правильно пользоваться десертной вилкой и копировать акцент истинных подданных империи, над которой никогда не заходит солнце. К тому моменту я уже поняла, что нет смысла притворяться тем, кем ты не являешься, но думала, что если смогу удачно мимикрировать, то никому и в голову не придет задавать мне лишние вопросы.

Делала я все это отнюдь не из-за собственного снобизма. С одной стороны, я ощутила огромное облегчение, оказавшись в среде, где было не стыдно признаться, что ты интересуешься чем-то, кроме долбаных реалити-шоу, и после этого не схлопотать в челюсть. Я прогуливала уроки в школе главным образом ради того, чтобы сесть на автобус, доехать до центра и пойти в читальный зал Пиктона в Ливерпульской центральной библиотеке или в Художественную галерею Уокера, потому что эти окутанные тишиной залы были для меня не только источником прекрасного, но и возможностью прикоснуться к культурному сообществу. Культурный человек всегда знает все, что нужно знать, и можно сколько угодно говорить, что это совершенно не важно, но на самом деле это так. И отрицать это так же бессмысленно, как отрицать силу искусства. А для того чтобы окружить себя правильными вещами, надо

проникнуть в круг людей, которые обладают ими. Поскольку я всегда подходила к делу основательно, то понимала: пригодиться может любая информация, включая знание, как отличить потомственного маркиза от почетного.

Первое время работы в аукционном доме маскировка меня не подводила, и мне удавалось сгладить все углы. Я сошлась с Фрэнки, секретаршей нашего отдела, несмотря на то что она говорила громко, словно мемсахиб, приказывающая носильщикам нести ее паланкин, и зналась с людьми, которых называла Обезьян и Пискля. Несмотря на все это, Фрэнки была своей, а я – нет, хотя на какое-то время медленно, но верно проникавший в аукционный дом денежный поток все же вскружил ей голову. Мир искусства постепенно очнулся ото сна, перестав быть детской площадкой для заскучавших миллионеров, среди которых девушки вроде Фрэнки были представителями вымирающего вида. Однажды она посетовала в доверительной беседе, что, вообще-то, хотела бы жить в деревне, но ее мать считала, что в городе у нее больше шансов встретить достойного жениха. Фрэнки была преданным читателем журнала «Грация», однако советам экспертов по красоте упорно не следовала: на голове у нее красовалась допотопная бархатная полоска, а огромный зад напоминал гигантский твидовый гриб. Как-то мы с ней заглянули в «Питер Джонс», и мне едва удалось увести подругу от жутчайшего вечернего платья из кричащей бирюзовой тафты. Я опасалась, что матери Фрэнки еще не скоро доведется заказывать отпечатанные на тисненой бумаге приглашения на свадьбу, однако восхищалась совершенно самобытным стилем подруги, ее царственным презрением к любым диетам и неиссякаемым оптимизмом: Фрэнки была уверена, что рано или поздно обязательно встретит своего суженого. По крайней мере, я ей искренне этого желала. Она виделась мне в георгианском доме приходского священника ставящей на стол блюдо с собственноручно испеченным рыбным пирогом для любимых членов большой семьи.

Иногда мы даже обедали вместе, и я с наслаждением слушала ее рассказы о детстве, проведенном в пони-клубе, а ей, похоже, нравились мои детские воспоминания, которые я доверяла ей, разумеется, в сильно отредактированном виде. Без сомнения, Фрэнки была одной из причин, почему мне нравилась работа в «Британских картинах». Второй причиной стал Дейв, носильщик, работавший у нас в хранилище. По моим ощущениям, кроме этих двоих, никто из сотрудников искренней симпатии ко мне не испытывал. Дейв потерял ногу в Багдаде во время первой войны в Ираке и, пока лежал в госпитале, пристрастился к документальным фильмам об истории искусства. Он обладал поразительным природным чутьем и острым умом и питал особую любовь к XVIII веку. Как-то раз он сказал мне, что после того, что ему довелось пережить в Бискайском заливе,

искусство стало его единственным утешением, а эта работа давала ему шанс находиться рядом с великими шедеврами. Надо было видеть, с какой любовью и нежностью он обращался с полотнами. Я уважала его за искренний интерес к искусству, глубокие познания, и, если честно, именно от Дейва я узнала об искусстве намного больше, чем от старших коллег в отделе.

Мы с ним невинно флиртовали, хотя с другими коллегами кокетничать я не решалась, к тому же Дейв казался мне совершенно безопасным вариантом. Он, конечно, мог отпустить пошлую шуточку в мой адрес, но в целом относился ко мне старомодно, по-отечески. Даже послал поздравительную открытку, когда мне наконец дали повышение. Однако я прекрасно знала, что он любит свою жену, всегда называет ее хозяйкой, а мне, по правде говоря, нравилось, что в его обществе я могу полностью расслабиться и не бояться, что ему вдруг взбредет в голову трахнуть меня. Помимо рококо, еще одной страстью Дейва были дешевые детективы, основанные на реальных событиях. Одним из популярных трендов этого жанра в последнее время стал супружеский каннибализм, и во многих романах описывалось, как обиженная жена подает своего мужа гостям в виде паштета, подливая им охлажденный до нужной температуры шардоне. Дейв, по роду службы отлично разбиравшийся в оружии, приходил в полный восторг от их поистине шекспировской гениальности выбора орудий убийства. Вы даже не представляете себе, какие чудеса творят щипцы для завивки и нож для разрезания бумаг, если приложить к этим нехитрым предметам чуточку фантазии. Мы с Дейвом часто проводили перерывы вдвоем, спрятавшись от посторонних глаз в дальнем углу пыльного хранилища, и анализировали последние модные тенденции жестоких убийств. Я не переставала удивляться тому, как гармонично в нем сочетались столь разные увлечения, и думала, что любовь к смазливым богам и богиням, беззаботно предающимся плотским усладам на полотнах старых мастеров, спасала его от всех тех ужасов, которые ему довелось пережить на войне, а эстетичное изображение насилия, граничащее с эротикой, убеждало его в том, что и в античные времена война по жестокости своей не сильно отличалась от того, что он видел в пустыне. Я восхищалась его глубокими знаниями искусствоведа-любителя, а он относился к моему профессиональному статусу с таким неподдельным уважением, что иногда мне даже становилось неловко.

Как-то в начале июля, в пятницу, после долгой ночки с Джеймсом, я пришла на работу за несколько минут до открытия отдела и решила заглянуть к Дейву в хранилище. Вечер в «Гштаде» и правда выдался долгим, глаза саднило от табачного дыма и бессонной ночи. Дейв сразу понял, что к чему, увидев меня в темных очках в девять утра.

– Веселая выдалась ночка, а, милая? – подмигнул он мне и извлек на свет кружку сладкого чая, две таблетки нурофена и шоколадку.

Нет лучшего лекарства от головной боли, чем шоколад низкого качества. Дейв наивно полагал, что, как и остальные работавшие здесь девушки, я веду активную светскую жизнь, снимая сливки с элитных развлечений Челси. Что ж, не буду его разубеждать. Придя в более или менее приличное состояние, я сняла очки, достала из сумки рулетку и блокнот и принялась измерять небольшую серию неаполитанских пейзажей, предназначавшихся для продажи во время «Гранд-тура».

– Неслыханно! – заметил Дейв. – Требовать резерв в двести штук за эти картинки якобы Ромни! Это же в лучшем случае кто-то из его учеников!

– Неслыханно, – согласилась я, не вынимая ручки изо рта.

Начав работать в аукционном доме, я быстро узнала, что резерв – это минимальная цена, на которую рассчитывает продавец. Бросив взгляд на Дейва, я увидела, что у него из заднего кармана торчит очередная книжка.

– Что-то новенькое, Дейв?

– Ага. Если хочешь, дам почитать. Потрясающий роман!

– Напомни мне годы пребывания Ромни в Италии.

– С тысяча семьсот семьдесят третьего по тысяча семьсот семьдесят пятый. В основном Рим и Венеция. Представляешь, жена этого парня приготовила его прямо на кулинарном телешоу! В Огайо!

– Ну это же не по-настоящему, Дейв…

– Так у нас и Ромни ненастоящий.

У меня пиликнул телефон. Пришло сообщение от Руперта, главы отдела, в котором он сообщал, что мне нужно явиться на оценку, как только я соберу все

записи.

Руперт сидел за столом в своем кабинете, завтракал, судя по всему, в третий раз за сегодняшнее утро и уже успел запачкать манжеты рубашки о щедро политый горчицей сэндвич с колбасой. Дело плохо, скоро меня опять отправят в химчистку, раздраженно подумала я. Ну чем я привлекаю всех этих жиртрестов?! Руперт протянул мне листок бумаги с адресом в Сент-Джонс-Вуде и информацией о клиенте и сказал, чтобы я поторапливалась, но не успела я дойти до двери, как он окликнул меня:

– Э-э-э… Джудит?

Терпеть не могу, когда ко мне так обращаются! Руперт, похоже, всерьез считает, что меня зовут Э-э-э!

– Да, Руперт?

– Насчет Уистлера…

– Я подготовила все сведения еще вчера, как вы и просили.

– Э-э-э… да, но, будь добра, имей в виду, что полковник Моррис – очень важный для нас клиент. Он ожидает от нас высочайшего уровня профессионализма.

– Разумеется, Руперт.

Что ж, а может, все и не так плохо, мелькнула у меня мысль. Руперт доверил мне серьезную оценку, в кои-то веки! Мне пару раз доверяли провести оценку самостоятельно – так, ничего серьезного, – а пару раз даже отправляли в командировку, но вот важного клиента поручили впервые. Хороший знак, решила я, видимо, начальство начинает мне доверять. Если я смогу грамотно провести оценку и выставить адекватную, но привлекательную для продавца цену, мне удастся устроить для нас сделку и приобрести картины для грядущего аукциона. Уистлер – известный художник, им интересуются серьезные коллекционеры, а значит, мы сможем неплохо заработать на продаже его картин.

Чтобы отметить сие знаменательное событие, я взяла такси за счет отдела, хотя младшим сотрудникам это не позволялось. Бюджетные деньги в основном шли на более важные транспортные решения: например, забрать Руперта из ресторана «Вулзли» на углу Пикадилли. Выйдя из такси за пару кварталов от указанного адреса, я спокойно прошлась вдоль канала, над которым нависала по-летнему густая листва деревьев. В голове прояснилось, я наслаждалась запахом влажной после дождя сирени, росшей в обнесенных высокими заборами садах. Я невольно улыбнулась, вспомнив, что когда-то эти улицы, по которым сейчас прохаживаются чинные няни-филиппинки, а польские рабочие монтируют огромные бассейны в роскошных особняках, были злачным местом, элитным борделем, где за тяжелым бархатным занавесом обнаженные нимфы, словно сошедшие с полотен Уильяма Этти, ожидали своих любовников в надежде, что те заедут к ним по пути домой из Сити. Лондон всегда был и навечно останется городом шлюх.

Крошечный лазерный глаз камеры пристально нацелился на меня, как только я позвонила в дверь квартиры, расположенной на первом этаже дома с двумя входами. Я почему-то ожидала, что откроет экономка, но на пороге появился сам хозяин.

– Полковник Моррис? Меня зовут Джудит Рэшли, – представилась я, протягивая ему руку. – Я из «Британских картин». Мы договорились с вами о встрече насчет набросков Уистлера, помните?

Он фыркнул что-то нечленораздельное и кавалерийским шагом пошел в холл, а я последовала за ним. Я, конечно, и не ожидала, что полковник окажется блестящим офицером, способным свести с ума любую даму, но мне с трудом удалось не отдернуть руку от отвращения, когда он быстро прикоснулся ко мне своими пожелтевшими ногтями. Злобные маленькие глазки сверкали над седеющими усиками а-ля Гитлер, которые были словно бы приклеены к верхней губе. Не потрудившись даже предложить мне чая, он сразу повел меня в захламленную студию. Дешевые пастельные драпировки смотрелись до странности провинциально на фоне потрясающих полотен, висевших на стене. Полковник раздвинул занавески, пока я с восхищением смотрела на Сарджента, Неллера и на изысканный миниатюрный набросок Рембрандта.

– Чудесные работы! – воскликнула я, про себя подумав, что стоимость этих трех полотен составляет как минимум десять миллионов. Да, это и правда серьезная

оценка.

– Рисунки Уистлера я храню в спальне, – холодно кивнув и фыркнув, словно всплывший на поверхность воды морж, отрезал полковник и подошел к двери, ведущей в смежную комнату.

Здесь было еще меньше света и пространства, в воздухе стоял отвратительный кисловатый запах пота, слегка перебивавшийся старомодным резким одеколоном. Большую часть комнаты занимала огромная кровать, покрытая пушистым темно-зеленым покрывалом. Мне пришлось боком пройти мимо нее, чтобы добраться до бюро, на котором были аккуратно разложены пять небольших рисунков. Достав фонарик, я тщательно осмотрела каждый из них, проверила подлинность и идентичность сигнатуры, а потом очень бережно вынула рисунки из рам, чтобы проверить водяные знаки на бумаге.

– Прелестно! Подготовительные наброски к серии «Соната Темзы», как вы и предполагали, – гордо произнесла я, наслаждаясь тем, как уверенно звучит мой голос, как безупречен мой лондонской акцент.

– Это я и без вас знаю.

– Разумеется, но вы хотите выставить их на продажу? Для нашего аукциона в Италии они, пожалуй, не подойдут, а вот весенний каталог – это как раз то, что нужно! Провенанс у вас, конечно же, имеется?

Провенанс в нашем деле самое главное – это путь, проделанный картиной с того момента, как она покинула ателье художника, с указанием разных владельцев и аукционов, то есть подборка документов, гарантирующая ее подлинность.

– Разумеется. Возможно, вам будет интересно взглянуть еще и на эти работы, пока я достану необходимые бумаги? – спросил полковник, протягивая мне толстый альбом. – Конец Викторианской эпохи, крайне неординарный стиль!

Я сразу поняла, что за гравюры он собирается мне показать, потому что полковник подошел ко мне и положил руку на мой зад. Ладно, с этим я как-нибудь разберусь, подумала я, быстро скинула лапищу и открыла альбом. Что ж, для порнографии XIX века вполне себе. Я принялась листать альбом, изображая заинтересованность. Профессионализм, Джудит, главное – профессионализм! И

тут мерзкие лапы полковника обхватили мою грудь, он навалился на меня всем телом и резко толкнул на постель.

– Полковник! Немедленно помогите мне встать! – воскликнула я голосом глубоко оскорбленной невинности, но дело, кажется, принимало серьезный оборот.

Он прижал меня к постели, а потом перекатился на бок, пытаясь задрать мою юбку своими отвратительными когтистыми лапами. Зеленое покрывало буквально душило меня, и я никак не могла приподнять голову. Все мои попытки оттолкнуть этого наглеца явно только распаляли его, и он умудрился впиться своими мерзкими слюнявыми губами в мою шею, а потом снова навис надо мной.

Дыхание стало прерывистым, мне не хватало воздуха, и я почувствовала приближение паники, и мне это не понравилось. Я попробовала просунуть ладони между нашими телами, чтобы столкнуть его с себя, но он схватил меня за правое запястье и крепко прижал к постели. Мне удалось отвернуть голову вправо, сделать глоток затхлого воздуха рядом с его подмышкой. Фланелевая рубашка полковника промокла от пота, испещренное морщинами лицо оказалось в миллиметрах от моего, и я увидела, что вместо зубов у него остались крошечные коричневые пеньки.

– Что скажешь, дорогуша? – вздохнул он, прищурясь с видом заправского соблазнителя. – У меня таких много! И видео тоже есть! Такой сучке наверняка понравится, а?

Он прижался жирным, подрагивающим от возбуждения животом к моей спине. Я подождала, пока он не нащупает молнию на ширинке, – черт его знает, что он там ожидает найти! – а потом вдруг укусила за руку со всей силы, и мои зубы вонзились в его плоть. Он взвизгнул, отшатнулся, а я быстро схватила сумочку, нашла телефон и нацелилась ему в пах.

– Ах ты, маленькая…

– Сучка? Да, вы уже говорили. Знаете, в чем проблема с собаками? Они кусаются! А теперь отвалите от меня на хрен!

Он жалобно постанывал, поглаживая руку. Кровь вроде не шла, но я на всякий случай плюнула в него.

– Я немедленно позвоню Руперту!

– На вашем месте я бы этого не делала. Видите ли, полковник Моррис, сейчас в моде немного другое видео! Мы живем в цифровой век! Видите телефон? На него можно снимать видео и автоматически рассылать по почте всем друзьям. Макрообъектива, к сожалению, тут нет, поэтому можете не трудиться расстегивать брюки! Кстати, вы знаете, что такое YouTube? – язвительно спросила я и сделала паузу, не сводя глаз с его лица, ощущая дикое напряжение в позвоночнике.

Самой мне отсюда не выбраться, если только он сам меня не выпустит. Сделав медленный вдох и выдох, я напомнила себе, что это очень важный для нашего аукционного дома клиент.

– Большое спасибо за то, что уделили мне время, полковник. Не смею вас больше задерживать. Вечером я пришлю сотрудников хранилища, они упакуют картины и доставят их нам. Договорились?

У самого выхода я снова запаниковала, но дверь оказалась не заперта, я вышла на улицу и тихо прикрыла за собой дверь, дождавшись громкого щелчка замка. С идеально прямой, как Эбби-роуд, спиной я принялась восстанавливать дыхание: вдох на четыре счета, задержка на четыре, выдох на четыре. Потом протерла лицо влажной салфеткой, привела в порядок прическу и позвонила на работу:

– Руперт? Это Джудит. Можете посылать кого-нибудь из хранилища за Уистлером, сегодня вечером.

– Э-э-э… Джудит… Все… э-э-э… прошло удачно?

– А что, не должно было?

– С полковником не возникло никаких… э-э-э… проблем?

Он знал, мать его! Этот потный боров все знал!

– Никаких проблем! – недрогнувшим голосом отозвалась я. – Все было под контролем.

– Умница!

– Спасибо, Руперт. Я скоро буду.

Ну конечно же он знал! А зачем еще ему посылать на важную оценку вместо себя симпатичную девушку?! Джудит, ты полная идиотка! Ты что, и впрямь решила, будто он пошлет девчонку на побегушках на такое важное дело, если, конечно, клиент не попросил особого сервиса? Значит, мой босс уже решил, на что я гожусь?

На несколько секунд я прислонилась к стене, закрыла лицо руками и попыталась успокоиться. В крови бушевал адреналин, меня трясло так сильно, что мышцы живота заболели. Казалось, я вся насквозь провоняла отвратительным запашком полковника, мать его, Морриса и ощущала такую ярость, точно у меня сердце из груди вынули. Взяв себя в руки, я постаралась сохранить лицо и не дать себе разрыдаться. Поплакать, конечно, можно. Можно прижаться лбом к зернистой кирпичной лондонской стене и поплакать обо всех тех вещах, которых я лишена, о несправедливости этого мира и о том, как я чертовски устала от всего этого. Можно залиться слезами, как распоследняя неудачница – в каком-то смысле я так до сих пор о себе и думала, – из-за того, что только что пришлось пережить. Но я знала: если начну плакать, то вряд ли смогу остановиться, а меня такой вариант не устраивал. Ерунда, пустяки это все. Я поймала себя на мысли, что Руперт должен быть мне благодарен, поскольку я не поступила наиболее примитивным образом, не заорала, что меня пытаются изнасиловать, не вызвала полицию, а ограничилась лишь очередным приступом жалости к себе. Похвалы от него ждать, разумеется, не стоит, впрочем, как и обижаться на ее отсутствие. Может, у меня не та фамилия, училась я не в той школе и не ездила по загородным охотничьим клубам, но, несмотря на все это, такие, как Руперт, не вызывают у меня возмущения, и я не настолько уверена в себе, чтобы презирать подобных типов. Я их просто ненавижу, и это куда лучше. Ненависть позволяет сохранить ясность мысли, быстро двигаться и оставаться одной. Если когда-нибудь решите стать другим человеком, то для начала нужно остаться в одиночестве.

Когда я впервые появилась на Принс-стрит на собеседовании, Руперт со скучающим видом показал мне несколько открыток и попросил определить авторов работ. Задание было элементарное – одно полотно Веласкеса, другое Кранаха. Я даже засомневалась, читал ли он мое резюме, а потом, упомянув в разговоре тему своей магистерской, увидела на его лице такое неподдельное удивление, что сомнений вообще не осталось. Последняя открытка, которую он небрежно положил передо мной на стол, изображала стройную полуголую девушку, укутанную в полупрозрачную драпировку.

– Артемизия Джентилески, Allegoria dell’Inclinazione, – не задумываясь, ответила я.

На долю секунды Руперт посмотрел на меня с выражением, смутно напоминавшим уважение. Эта открытка висела у меня на стене с тех самых пор, как в шестнадцать лет я отправилась во Флоренцию. Артемизия была дочерью известного художника и самой талантливой среди всех его учеников, один из которых изнасиловал ее во время совместной работы над заказом в Риме. Она подала на него в суд, выдержала пытку тисками для пальцев, чтобы доказать, что говорит правду, и выиграла дело. Ее будущее напрямую зависело от пальцев, которые вполне могли никогда не стать прежними, но стремление восстановить справедливость оказалось сильнее. Многие из ее картин знамениты своей жестокостью, и критики зачастую не верят, что их написала женщина, однако я выбрала именно эту картину, потому что на ней изображена сама Артемизия. В момент создания автопортрета ей был двадцать один год, ее против воли выдали замуж за третьесортного придворного художника, который паразитировал на таланте своей жены, но здесь она изобразила себя такой, какой, по моему мнению, всегда хотела быть: спокойное, безмятежное лицо, в руке компас – символ силы намерения. Эта картина говорила мне: я имею право выбирать и я сделаю это! Как и все подростки, впервые по-настоящему влюбившись, я была уверена, что никто не понимает Артемизию лучше меня. Мы с ней были так похожи! Если бы она не умерла еще в XVII веке, то мы наверняка стали бы лучшими подругами и дружба наша длилась бы вечно!

Благодаря Артемизии я получила работу в «Британских картинах». Только на том собеседовании Руперт на какой-то момент посмотрел на меня как на человека, а не как на пустое место. Но уже тогда он знал, что заставит меня стать идеальной, умной девочкой на побегушках, которая будет делать за него грязную работу и слова сказать не посмеет. Сейчас, прижимаясь к кирпичной стене и так и не проронив ни слезинки, я ощутила что-то похожее на любовь к

той шестнадцатилетней девочке, которая стояла в Каза Буонарроти с тяжеленным, набитым книгами рюкзаком, в жуткой одежде. Мне отчаянно захотелось явиться к ней призраком из будущего и сказать, что все будет хорошо. Почему? Потому что я так решила. В полицию я не пойду. Руперт уволит меня в ту же секунду, как я дам показания. Нет-нет, я справлюсь. Все будет хорошо.

5

Вечером, уже дома, меня все еще потряхивало от нервного перевозбуждения, и я сказала себе, что после всей этой истории с полковником Моррисом я заслуживаю немного развеяться. Я написала Лоренсу и спросила, устраивает ли он вечером что-нибудь заслуживающее внимания. С Лоренсом я познакомилась сразу, как только перебралась в Лондон: богатый, неоднозначный, часто баловался героином. Мы встретились, скажем так, за кулисами, как обычно и происходит в маленьких мирках, объединяющих людей, у которых есть особые хобби. На вечер у него было запланировано некое камерное мероприятие у себя дома в Белгравии, и он предложил мне подъехать на Честер-сквер около одиннадцати.

Вход на вечеринку к Лоренсу стоил сто пятьдесят фунтов, но меня он обычно пускал бесплатно. Зайдя к себе в спальню, я прижалась щекой к висевшему на крючке шелковому кимоно, вдохнула аромат чистого постельного белья и масла герани, налитого в керамическую аромалампу, скользнула взглядом по книгам, аккуратно заправленной кровати, яркой балийской шали, которая прикрывала пыльные жалюзи, и мне стало дурно. Дешевка, достойный жалости оптимизм! Даже аккуратно сложенные обновки в горбатом меламиновом шкафу не утешили меня. Я провела рукой по вешалкам, пытаясь понять, в каком я настроении. Ничего чересчур агрессивного. Внутри я стану мягкой и женственной, а снаружи буду похожа на кошку, которая гуляет сама по себе, решила я и надела бразильские кружевные шортики кофейного цвета и такой же бюстгальтер, а сверху – мешковатые брюки в стиле милитари, черную футболку и конверсы. Туфли на каблуке надену, когда приеду. Теперь я могла себе позволить такси, но мне хотелось пройтись, вытолкнуть из своих легких споры замшелого покрывала полковника. Не пожалев времени на макияж, после которого со стороны казалось, что макияжа и вовсе нет, я направилась в Белгравию пешком.

От домов с белой лепниной веяло тайной. Здесь всегда царил такой покой; какие бы грехи ни прятались за аристократическими портиками, все укрывала надежная завеса денег. Лоренс стоял у входа в дом тридцать три по Честер-сквер, прислонившись к стене, и курил. Наверное, на него снизошло умиротворенное настроение от хиппарской тусовки из Сохо, которая временно размещалась у него на чердаке. Эти «художники», разумеется, жили за его счет, теоретически на их содержание как раз и уходила плата за вход на вечеринку, так что все было в шоколаде. Пару раз я и сама подумывала, не напроситься ли к нему пожить, чтобы сэкономить на аренде, но в его доме постоянно царил такой хаос, что я не смогла бы должным образом сконцентрироваться на достижении поставленных на будущее целей.

– Привет, милая! – поцеловал меня Лоренс, одетый в синие бархатные брюки в рубчик и ветхую белую рубашку, из обтрепанных манжетов которой торчали худые запястья.

– Привет, Лоренс! Кто у нас сегодня в наличии? Симпатичные есть?

– Теперь есть, дорогая моя!

– Ты заходишь? – спросила я, поняв по лаконичности высказываний Лоренса, что он может вырубиться в любую минуту прямо на крыльце.

– Нет-нет, дорогая. Попозже. А ты иди, amuse-toi![2 - Развлекайся! (фр.)]

Вечеринка проходила на цокольном этаже, но сначала я решила немного пройтись по дому, как всегда воображая себе, как бы я тут жила, как бы переделала все комнаты, перекрасила стены и заново обставила. Никто не видел, как я скользнула рукой по чувственным изгибам перил лестницы XVIII века из внушающего уважение полированного красного дерева. Начитавшись журналов по интерьерному дизайну, я узнала, что дом не должен выглядеть чересчур идеально, поэтому зеленый вельветовый диван семидесятых годов в гостиной Лоренса был не менее характерным признаком принадлежности к высшим слоям общества, чем его хорошо поставленный голос и потрепанные рубашки. Однако я не смогла отказать себе в удовольствии немного пофантазировать и представила, как бы выглядела эта комната, если стены перекрасить в аристократичный серый цвет, поставить минимум сдержанной мебели высшего качества, ну и конечно, на фоне этого – я, погруженная в себя и

умиротворенная. Честер-сквер оказался куда лучшим противоядием от всей этой истории с полковником Моррисом, чем мой пафосный внутренний монолог. Желаемое и его отсутствие, повторила я себе, – вот какой разрыв я должна преодолеть любой ценой. Иногда жизнь казалась мне паутиной из канатов, по которым мне предстояло пройти, – канатов, натянутых между тем, что я могла дать, или убедить в том, что я могу дать, и тем, что мне причитается взамен. Скинув с себя всю лишнюю одежду, я надела черные замшевые туфли на каблуке от Сен-Лорана и уверенным шагом направилась к двери, на ходу касаясь кончиками пальцев чудесных антикварных вещиц, которых тут было полным-полно, и воображая себе, что это мои талисманы. Ты, думала я, и еще ты, и ты, и ты! По лестнице, ведущей на цокольный этаж, я шла быстро, чуть ли не перепрыгивая через ступеньку.

Зайдя за черный чесучовый занавес, я увидела блондинку, с которой мы раньше уже встречались на такого рода вечеринках. Она занималась каким-то парнем лет сорока, профессиональным жестом откидывая волосы с лица так, чтобы он мог хорошо разглядеть ее губы, захватывавшие всю длину его члена одним изящным движением. Она бывала тут частенько, русская, но называла себе Эшли. Лоренс обычно приглашал пару профессионалок, чтобы гости вдруг не заскучали. Пройдя мимо них, я взяла бокал с шампанским с подноса у парня, который работал у Лоренса барменом и по совместительству вышибалой и стоял у блестящей черной стены с непроницаемым лицом, словно разносил канапе на коктейльной вечеринке в каком-нибудь посольстве. Пригубив вина, я поняла, что сегодня мне оно не потребуется.

– Хелен здесь? – осведомилась я еще об одной постоянной посетительнице вечеринок у Лоренса.

– Вон там, – кивнул парень в сторону черной бархатной кушетки.

Хелен лежала на спине, ее груди напоминали взбитые сливки, пышно вздымаясь над вышитым корсетом.

– Джудит, дорогая! – помахала она мне и подставила губы для поцелуя.

Я наклонилась к ней и поцеловала, слегка посасывая ее язык, кисловатый от шампанского.

– Лоренс сказал, что ты придешь. Мы как раз тебя и ждали, правда? – спросила она у юноши, чья голова скрывалась где-то между ее пышных, широко раздвинутых бедер.

У меня самой тело Хелен желания не вызывало, но что-то в ее бледном мягком животе всегда немного волновало меня. Я неторопливо провела рукой по этой округлости, восхищаясь ее нежностью и гладкостью.

– Это Стенли.

– Привет, Стенли, – отозвалась я.

Парень встал и поцеловал меня так быстро, что я даже не успела рассмотреть его лицо. Рот был широкий, но не слюнявый, от него пахло влажным сеном – так пахнет от юношей, если они не выливают на себя слишком много парфюма. Я попробовала провести рукой по его обнаженной спине, он прижал меня к себе, и я почувствовала, как мышцы его лопаток напряглись, словно крылья. Что ж, неплохо.

Хелен лениво поигрывала наручниками из ослепительно сверкающей стали – настоящий полицейский арсенал.

– Я сказала Стенли, что ты не прочь сообразить на троих.

– Конечно, милая. Как ты хочешь?

– Ты снизу. Будет очень мило, правда, Стенли?

Парень кивнул. Судя по всему, красноречием он не отличался. Я присела на кушетку рядом с Хелен. Мы начали целоваться, я поглаживала изгибы и округлости ее тела, а она медленно стянула с меня трусики и ласково дотронулась кончиком пальца до моего влагалища. Я взяла в рот ее сосок и принялась посасывать его, обводя языком ареолу, пока Хелен не стала утробно мурлыкать, а потом ввела в нее сразу два пальца. Ах, эта восхитительная, тесная мягкость! Ощутив поднимающееся внутри желание, я перевернулась лицом вниз, скользнув под партнершу, так что наши тела оказались параллельно друг другу. Лицом я прижималась к бархатной кушетке, а ее

прелестный животик оказался точь-в-точь на моей пояснице. Я приподняла правую руку, Хелен сделала то же самое, и Стенли немного неуклюже надел на нас наручники.

– Вот так, – прошептала Хелен, – красиво, правда?

Ее он взял первой, раздвинув мне ноги и войдя в нее сзади, так что я чувствовала его яйца, его жар и влагу, которая стекала из влагалища Хелен прямо на мои ягодицы. Левой рукой я поглаживала свой клитор именно в том месте, куда приходился максимум веса. Сейчас я уже сгорала от желания и, поднимая и опуская бедра в одном ритме с Хелен, мечтала о том, как его член войдет в меня. Она тихонько ахнула, когда он вышел из нее, а потом обтянутая тонким латексом головка прижалась к моей киске, и он легко скользнул в меня, придерживая Хелен за ягодицы. Он почти довел меня до оргазма и вернулся к Хелен, хорошенько оттрахал ее, пока ее тело не напряглось, а затем не обмякло, и снова вошел в меня. Я молилась, чтобы у него хватило сил дождаться, когда я кончу. Хелен перевернулась на бок, прижимаясь влажным влагалищем к моему бедру, и он кончил ей в рот. Тяжело дыша, я лежала, опустив одну ногу на пол, и вся истекала сладким соком. Да, люблю я это дело. Мне нравятся не только сами плотские удовольствия, но и то, что я занимаюсь этим с незнакомцем, – так я чувствую себя свободной и совершенно неуязвимой.

6

Оказалось, что это была моя последняя вечеринка в Лондоне. Теперь я работала в «Гштаде», и мне нужно было следить за собой, выделять нужное количество времени на сон и пробежки, да еще и заниматься карьерой. Я сказала себе, что об инциденте с полковником Моррисом надо просто забыть, словно его и не было. Старый ублюдок обломался, да и попытка-то была жалкая, главное, что бой был выигран. Я провернула дело, а моему начальству только это и было нужно. Так что я должна быть в форме, даже если ради этого приходилось ставить будильник на пять утра, чтобы пробежать необходимое количество кругов по Гайд-парку до ухода на работу. С тех пор как Джеймс начал регулярно появляться в клубе и осыпать меня пятидесятками, я стала регулярно ходить к косметологу и на маникюр и даже сходила пару раз на дорогущие занятия по пилатесу. Благодаря моему нынешнему кругу чтения я знала, что в этом нет ничего экстравагантного: я просто нахожу время для себя и вкладываю в собственное будущее. Джеймс теперь официально считался моим постоянным

клиентом, и по четвергам и пятницам Олли разрешил мне не работать с другими клиентами, хотя иногда меня все-таки кто-то бронировал, и тогда Джеймсу приходилось сидеть в одиночестве. В это время он пристально наблюдал за мной, а потом обязательная бутылка шампанского заканчивалась, и я направлялась к его столику, радостно улыбаясь.

Я не могла отказать себе в удовольствии помечтать о том, что бы я смогла сделать, если бы старик Джеймс серьезно мной заинтересовался. В «Британских картинах» мне платили меньше минимальной оплаты труда. Образование я смогла получить практически бесплатно, однако все-таки вынуждена была взять кредит на десять тысяч фунтов, чтобы покрыть текущие расходы и квартплату, и первые выплаты уже не за горами. Я надеялась получить повышение до начала выплат, поэтому решила рискнуть, но возвращать кредит надо будет осенью, то есть всего через пару месяцев, а до начала работы в клубе я едва сводила концы с концами. Джеймс давал мне около тысячи в неделю плюс что-то еще я получала от других клиентов, поэтому теперь у меня появились реальные шансы выплатить кредит и передохнуть – может быть, даже обзавестись собственным жильем! Я открыла сберегательный счет и с наслаждением следила за растущими цифрами баланса.

Мне с самого начала было ясно, чего хочет Джеймс, но его высокомерие вкупе с природной застенчивостью мешало завести разговор на интересующую его тему. Как и большинство мужчин, он любил говорить о себе, поэтому выудить из него всю нужную информацию оказалось несложно. Жену зовут Вероника, у них есть дочь-подросток, живут в Кенсингтоне, рядом с Холланд-парком. Он утверждал, что в свободное время читает философские труды, хотя, если серьезно, ему был гораздо ближе «большой босс Иисус», чем эстетические воззрения Канта. Однако тема была благодатная, и я сумела правильно разыграть эту карту, попросив его порекомендовать мне что-нибудь почитать. Естественно, я просто прогуглила те книги, которые он назвал, и сделала вид, что все прочитала. Вероника занималась хозяйством и была членом нескольких благотворительных комитетов. Иногда я думала: знает ли она, где ее муж проводит вечера, и есть ли ей вообще до него дело? Вряд ли. Они вообще трахаются? Я даже представить себе не могла, что Джеймс в принципе на что-то способен. Даже если, несмотря на переизбыток эстрогена, от его члена что-то осталось, он с трудом поднимался по лестнице клуба, каждый раз рискуя схлопотать сердечный приступ. Разумеется, он постоянно пытался убедить меня в том, что когда-то был тем еще Казановой. О да, Джеймс от души повеселился в старые добрые времена! Замужняя дама старше его из Сент-Морица, сестрички с Кап-Ферра. С высоты своих лет он мог позволить себе заявлять, что когда-то

девчонки не давали ему прохода, а я подпевала ему, рассказывая истории о девочках, которые давали всем подряд на заднем сиденье автомобилей и лондонских площадях, закатывали безумные домашние вечеринки и зажигали в ночных клубах Сохо. Судя по всему, жалкие остатки светской жизни Лондона семидесятых кажутся эротическим раем мужчинам, страдающим ожирением последней степени.

– Джудит, хочешь печеньку?

Услышав голос нашей секретарши Фрэнки, я вздрогнула и вспомнила, что нахожусь на собрании, а она подвинула ко мне стоявшее на столе в конференц-зале блюдо с шоколадным печеньем-дижестивом. Лора нахмурилась. Мы проводили одно из тех собраний, которые Руперт называл консультациями особой важности. В зале присутствовали я, Фрэнки, Руперт, Лора и Оливер – эксперт по портретам, лишь немного уступавший нашему боссу по массе тела и нездорово-багровому цвету лица.

– Нет, спасибо, – шепнула я.

Однако Лора все равно нахмурилась, неодобрительно посмотрела на нас и раздраженно укуталась в пашмину, скрывая от посторонних взоров облезающие после отдыха в солнечном Барбадосе плечи.

Фрэнки хотя бы пытается проявлять какое-то подобие женской солидарности, в отличие от Лоры, которая в основном обращалась со мной как с ни на что не годной служанкой.

– Вот они, – произнес женский голос.

Высокая блондинка с креативно взъерошенными волосами с трудом бухнула на стол стопку новых каталогов.

– Это Анджелика, – представила ее Лора. – Она будет проходить у нас практику в течение месяца. Она только что окончила Бергли во Флоренции.

Если бы рядом был Дейв, я бы картинно закатила глаза. В Бергли читали курс по истории искусства для богатых толстосумов, которые настолько ленивы, что не могут даже для виду получить университетское образование. Они проводили год в Диснейленде в стиле ренессанс в надежде впитать в себя немного культурных ценностей в перерывах между косяками, а потом получить красиво оформленный сертификат.

– Добро пожаловать в наш отдел, Анджелика! – любезно поприветствовал ее Руперт.

– Как мило с вашей стороны взять меня на практику, – отозвалась блондинка.

– Анджелика – моя крестная дочь, – добавила Лора, растягивая накачанные ботоксом губы в деланой улыбке.

Что ж, тогда все понятно, подумала я и приосанилась.

– Итак, – начал Руперт, – сегодня у нас большой день, мальчики и девочки! Мы заполучили Стаббса! – провозгласил он, пустив по кругу каталоги, выглядевшие словно программки на опере XVIII века; на обложке было написано: «Джордж Стаббс „Герцог и герцогиня Ричмонд на скачках“».

– О-о-о! – воскликнула Фрэнки, всегда отличавшаяся нездоровым оптимизмом. – Настоящий Стаббс!

Всеобщее ликование было вполне понятно: Джордж Стаббс – крайне выгодный художник, его картины, бывало, продавались более чем за двадцать миллионов. Я сама питала к нему некоторую слабость, и хотя мой земляк из Ливерпуля изучал анатомию и изображал лошадей лучше, чем любой другой художник XVIII века, его в свое время не приняли в Королевскую академию художеств, обозвав приверженцем спортивного жанра. Мне стало любопытно, какую же из его работ нам удалось заполучить.

– Это стоит прочитать очень внимательно, – вставил Оливер. – Я кучу времени потратил на составление текста!

Быстро пролистав каталог, я дошла до вкладки с иллюстрациями и застыла от ужаса. Эту картину я уже видела, и в каталог она попасть никак не могла!

– Прошу прощения, Руперт, но я не понимаю… Это та картина, которую я видела в январе, клиент живет где-то рядом с Уорминстером?

– Не волнуйся, ты верно провела оценку, но потом я все-таки заехал, чтобы лично взглянуть. Не мог же я ожидать от практикантки, что она сможет достать нам Стаббса!

Я не стала его доставать, потому что это не Стаббс! И я уже не практикантка. Руперту это прекрасно известно! Я упорно трудилась, зарабатывая право иметь свое мнение как специалиста, поэтому решила попытаться еще раз.

– Вы ничего не говорили… – начала я.

– Хотел сделать сюрприз! – перебил меня Руперт и как-то смущенно рассмеялся. – А теперь…

– Но я уверена, что это не подлинник, – не унималась я. – Я сделала фотографии…

– Джудит, я привез картину, отдал ее реставраторам, ее почистили, и выяснилось, что поверх подлинника Стаббса было нанесено другое изображение, оценкой которого ты и занималась! Еще вопросы есть?

– Разумеется нет, теперь все ясно, – тут же согласилась я, решив не играть с огнем. – Какая потрясающая история!

В сентябре картину планировали выставить на экспозицию за две недели до начала аукциона. Руперт счел полотно достаточно важным для проведения отдельных торгов, а Оливер считал, что ее лучше продавать вместе с другими полотнами. Лора говорила о том, кого из коллекционеров следует поставить в известность. Фрэнки стенографировала. Я же пребывала в таком шоке, что даже не ехидничала про себя насчет того, какие редкие мысли иногда забредают в пустую голову этой Анджелики. В конце собрания я, как положено прилежным ученицам, задала парочку умных вопросов насчет организации индивидуальных

просмотров, чтобы запомнить, кого надо будет подключить, а потом как ни в чем не бывало спросила, не устраивают ли сегодня в хранилище «американские горки».

– Я как раз туда собираюсь, вот и подумала, что могу провести для Анджелики небольшую экскурсию, – вежливо предложила я.

Идя по пыльным, запутанным коридорам цокольного этажа, я объяснила Анджелике, что «американскими горками» у нас принято называть отгрузку полотен, потому что их спускают по наклонной рампе на низких тележках прямо в недра хранилища. В такие дни младшие сотрудники могли воспользоваться моментом и посмотреть на полотна вблизи, пока их распаковывают в смотровой, готовя к приходу экспертов. Это незабываемое переживание, объяснила я, когда ты видишь истинные шедевры на простых деревянных скамьях, а не в священном музейном пространстве.

– Ага, – вяло отозвалась Анджелика, не отрываясь от телефона и все время поправляя копну светлых волос, – видала я эти шедевры в Уффици. Типа Бранзини, да?

– Видимо, вы имеете в виду Бронзино?

– Ну да, точно.

Слава богу, Дейв оказался на месте. Они с коллегой спускали с «американских горок» десять работ Помпео Батони для приближающегося аукциона «Гранд-тур».

– Чудесно выглядишь, Джудит! Нового парня завела?

– Ты единственный, Дейв, ты же знаешь! – кокетливо ответила я. – Кстати, я заказала целую коробку первосортных детективов на «Амазоне».

Я познакомила рабочих с Анджеликой, протянула Дейву сумку с книгами и сказала, что купила их в Мэрилебоне в книжном магазине «Оксфам» по дешевке.

– Что у нас сегодня на повестке дня? – спросила я, чтобы не ставить Анджелику в неловкое положение, потому что девица даже не думала отрываться от телефона.

– Батони, римский период.

– Италия! – воскликнула я. – Отлично, Анджелика, то, что надо! Будь любезна, помоги нам с мерками! – попросила я, а сама жестом показала Дейву, что надо выйти покурить.

Прихрамывая, он направился следом за мной в зону для курения. Я быстро рассказала ему о своей поездке в Уорминстер. Руперту позвонил старый приятель из магазина антиквариата в Солсбери и рассказал, что видел картину на званом ужине и подумал – возможно, это подлинник. Меня к клиенту отправили только потому, что Руперт был на охоте. Хозяин дома, бывший гвардеец, без тени иронии представился тигром[3 - Игра слов: фамилия героя Тайгер переводится на русский как «тигр».], объяснил, что его семья живет здесь уже больше ста лет, и предположил, что картину мог приобрести его прадедушка. Лишних вопросов я задавать не стала, поскольку Руперт строго-настрого запретил мне даже намекать на то, что картина может оказаться подлинником.

Я сняла картину со стены в столовой и поставила на кресло рядом с окном, чтобы получше рассмотреть при дневном освещении. Поначалу мне было понятно, почему друг Руперта так разволновался: композиция ритмично организована, слева на заднем плане группа леди, джентльменов и конюхов наблюдает за тремя лошадьми, которые несутся галопом с холма по направлению к зрителю. Лошади выписаны просто великолепно, две гнедые и одна серая, конечности раскинуты в стремительной симметрии. На фоне приглушенных тонов пасмурного утра яркими пятнами выделяются ливреи конюхов и сияющие в первых утренних лучах шкуры лошадей. Присмотревшись повнимательней к группе зрителей, я разочарованно отметила, что персонажи выписаны как-то беспорядочно и скучно, пространство между фигурами хаотично заполнено предметами для пикника в стиле вычурного XVIII века. Из-за этого нарушается равновесие композиции и внимание зрителя непроизвольно перемещается от грациозных, искусно выполненных лошадей к группке людей, что для Стаббса совершенно нехарактерно, подумала я. Поколебавшись, я стала разглядывать сигнатуру, подозрительно идеально совпадающую с подписью Стаббса, потом перевернула полотно, чтобы проверить заднюю сторону. На раме

был наклеен небольшой ярлык с надписью «Урсфорд и Свит» – название давно уже закрывшейся лондонской галереи. На ярлыке я прочитала название картины: «Герцог и герцогиня Ричмонд на скачках», ниже стояла дата – 1760 год. На заднем плане, позади фигур, виднелась вывеска с надписью «Ньюмаркет». Стаббс был выдающимся анималистом своего времени, никто, кроме него, не умел столь искусно изображать лошадей, но, насколько мне было известно, на ипподроме Ньюмаркета он никогда не работал. Порадовавшись, что прихватила с собой систематический каталог, я принялась листать его, пока не нашла другое изображение тех же герцога и герцогини в Гудвуде, датированное 1760 годом. Определенное сходство лиц, конечно, присутствовало, однако объяснялось скорее приметами времени, чем точностью изображения. Видимо, Руперту это показалось достаточным доказательством подлинности. Вполне возможно, что Стаббс мог изобразить своих благодетелей в Ньюмаркете, хотя никаких упоминаний о подобном визите я не нашла, как, впрочем, и каких-либо сведений, подтверждающих существование такого полотна. Внезапное обнаружение нового полотна Стаббса, разумеется, стало бы событием, причем событием крайне прибыльным, поэтому, расстроившись, я сделала несколько снимков, составила подробный отчет, в котором, кроме всего прочего, указала, что, по моему мнению, картина представляет собой имитацию, сделанную кем-то из современников. До поезда оставался еще час, и Тайгер любезно предложил мне посмотреть конюшни. О том, как весело мы с ним поскакали в одном из загонов, Дейву я решила не сообщать.

– Это все очень странно, Дейв! В январе меня отправляют на оценку, я пишу, что это работа подражательного характера, а летом оказывается, что это подлинный Стаббс! И еще: вывеска с надписью «Ньюмаркет» с картины исчезла. Руперт заявил, что она оказалась более поздним слоем, который сняли во время чистки картины, и сигнатура почему-то теперь в другом углу!

– Погоди, напомни-ка, откуда эта картина?

– Хозяин утверждает, что ее приобрел его прадедушка. Ярлык галереи «Урсфорд и Свит» на Бонд-стрит, они закрылись сразу после войны.

– Но тебе показалось, что это все-таки восемнадцатый век?

– Да, но…

– А откуда тогда она попала в «Урсфорд»?

– Ну уж точно не от нас. Если бы мы упоминались в провенансе, Руперт бы не преминул написать об этом в каталоге.

– Значит, от них?

Два ведущих аукционных дома Лондона всегда находились в состоянии жесткой борьбы, как Оксфорд и Кембридж, поэтому сотрудники никогда даже не произносили название конкурирующей организации вслух.

– Конечно, «Урсфорд» могли приобрести ее у частного лица, но шансов немного, скорее всего, ты прав. Но что толку? Они все равно ни за что не разрешат мне воспользоваться их архивом…

– Один мой старый приятель работает у них в хранилище «старых мастеров». Он легко может провести тебя в архив. Если хочешь, прямо сегодня, в обеденный перерыв. Кстати, почему тебя так заинтересовала эта картина?

– Не знаю… Просто не хочу, чтобы мы совершили серьезную ошибку.

У меня не было желания объяснять Дейву, что мое внезапное превращение в Нэнси Дрю связано с тем, что я решила завоевать наконец хоть какое-то уважение среди коллег и спасти лицо нашего дома от публичного позора. Стаббс – дело серьезное, «Британские картины» всегда в первую очередь выставляют на аукцион шедевры, на которых присутствуют животные. Я сгорала от нетерпения, предвкушая, как разоблачу подделку на следующем собрании и в мою честь будет устроен благодарственный обед в зале для заседаний совета директоров, а потом меня повысят. Мне хотелось доказать им, что я способна на большее, чем возбуждать стариков-извращенцев вроде полковника Морриса. Это мой шанс добиться успеха благодаря моим знаниям и таланту, шанс доказать, что я могу работать на высоком уровне!

Вообще-то, мне полагался час на обеденный перерыв, но я вполне могла позволить себе немного задержаться, если учесть, что все остальные сотрудники считали своим неотъемлемым правом обедать около трех часов. К тому моменту, как я добралась с Пикадилли на Нью-Бонд-стрит, у меня в запасе оставалось еще около сорока минут.

– Вы Майк? Друг Дейва? Меня зовут Джудит Рэшли, огромное спасибо за то, что согласились помочь мне, у нас в отделе сейчас настоящий цейтнот!

Я с трудом сдержала улыбку, заметив торчащую из заднего кармана джинсов Майка книжку под названием «Крушение надежд: правдивая история о материнской любви, супружеской измене и хладнокровном убийстве в штате Техас».

– Я вас туда проведу, а потом уйду на обед. Вы тоже торопитесь, вот и хорошо, но если кто-нибудь у вас спросит, почему у вас нет пропуска от главы отдела, меня в это не втягивайте, договорились?

– Конечно! Мы очень ценим ваше понимание! Как я уже говорила, у нас полный цейтнот, еще раз большое спасибо!

Архив наших конкурентов находился в галерее с чудесными резными панелями на стенах и видом на Сэвил-роу. Они тоже так и не удосужились оцифровать архивные материалы, и, глядя на длинные ряды массивных двустворчатых книжных шкафов начала XVIII века, казалось совершенно невозможным, что даже настоящему гению систематизации удастся разобраться в этом хаосе. Кроме меня, в архиве работало еще несколько человек, в основном мои ровесники, практиканты и ассистенты, которые с нетерпением ожидали обеденного перерыва и украдкой строчили эсэмэски на своих телефонах. На меня никто из них внимания не обратил.

Если датировка картины верна и она действительно написана в 1760 году, то между ее созданием и закрытием «Урсфорда» в 1913-м прошло около ста пятидесяти лет, однако ярлык был отпечатан на машинке, а значит, галерея приобрела полотно не раньше 1880 года, следовательно, логично начать именно с этого периода. К счастью, наши дома использовали одну и ту же систему каталогизации, так что я начала просматривать карточки, на которых значилось название картины, иногда прилагалась фотография, а также информация о дате покупки и цена. Обновление карточек каталога – одно из самых жутких занятий, которое мне волей-неволей пришлось освоить. Стаббс попадался довольно часто, но наше полотно ни одному из описаний не соответствовало. Обнаружила я и несколько работ его учеников и подражателей-современников, причем пять из них датировались как раз периодом с 1870 по 1910 год. Одна работа вполне могла оказаться подлинным Стаббсом, идентификационный код ICHP905/19, что

означает «Important Country House Pictures English Paintings» (Важные английские полотна дома «Кантри-Хаус пикчерс»), которая была продана в 1905 году в качестве лота номер девятнадцать. Я бросилась к стеллажам, схватилась обеими руками за ручку ящика с этикеткой «1900–1905» и с трудом раскрыла его. Быстро перебирая карточки, я наконец добралась до 1905 года в поисках пометки «Important Country House Pictures». Вот она! «Собственность графа: „Герцог и герцогиня Ричмонд на скачках“. Продано У. Э. Свиту, эсквайру, ушла с молотка за 1300 гиней». Судя по всему, имеется в виду граф Галифакс, обладатель одной из самых богатых коллекций Стаббса в стране. Так, похоже, это все-таки подлинник… К своему удивлению, я испытала извращенное разочарование. Мой блестящий план по спасению Руперта от катастрофической ошибки рухнул. Что ж, такое случается, когда эксперт при оценке принимает подлинник за работу кого-то из подражателей, вот и все. Ошибку совершила я, а не Руперт. Ладно, смогу хотя бы предоставить полезную информацию для провенанса, Руперт наверняка это оценит.

Обратно я шла вдоль торговой галереи «Аркада Берлингтона», заглядываясь на витрины магазинов кашемира и очаровательные шкатулки с макарони в кондитерской «Ля дюре». Подумала, что на заработанные в клубе деньги можно будет купить какой-нибудь хороший классический свитер. Однако что-то все же не давало мне покоя. 1300 гиней – довольно внушительная сумма по меркам 1905 года, однако из-за шумихи, которая поднялась в отделе по поводу Стаббса, про минимальную цену никто даже не спросил. Поднапрягшись, я вспомнила, что на последней странице каталога мелким шрифтом была обозначена цена восемьсот тысяч. Но это же бред! Если картина и вправду подлинная, то с какой радости Руперт назначил за нее такую низкую стартовую цену?!

Когда я вернулась в отдел, на месте была только Фрэнки, с аппетитом уплетавшая огромный сэндвич с сыром из какой-то жуткой забегаловки в «Краун пассаже». На улице, как всегда, было влажно, я сразу заметила, что от куртки, накинутой на спинку кресла, разит лабрадором, и тут же прониклась к секретарше особой нежностью.

– Фрэнки, – спросила я, – ты, случайно, не помнишь, куда положила записи, которые я привезла из Уорминстера пару-тройку месяцев назад? Насчет Стаббса?

– Наверное, попали в материалы для подготовки аукциона. Руперт прямо в восторге!

– Да-да, конечно… Я просто хотела взглянуть одним глазком.

Фрэнки протянула руку к одному из стеллажей, сняла с полки толстую папку, пролистала и покачала головой:

– Не-а, нету. Только записи Руперта и фотографии после чистки. Поискать?

– Да нет, не надо. Извини, что отвлекла тебя в обеденный перерыв.

И все-таки что-то с этой картиной не так! Заглянув в офисную телефонную книгу, я переписала нужный номер, заперлась в кабинке нашего обшарпанного туалета и позвонила. К телефону подошла миссис Тайгер. Я не имела чести познакомиться с ней: во время моего визита она гостила у сестры в Бате, что, в принципе, меня не очень расстроило, поскольку мы с Тайгером смогли отправиться на экскурсию в конюшни. Голос у миссис Тайгер звенел как колокольчик.

– Добрый день, это Джудит Рэшли. Несколько месяцев назад я приезжала к вам в Уорминстер, поскольку ваш муж любезно позволил мне взглянуть на картину с лошадьми.

– Ах да. Что ж, нам было приятно оказать вам услугу. Чем могу быть полезна?

– Вы, должно быть, очень довольны результатами оценки?

– Ну как вам сказать, в глубине души мы и сами не особенно верили, что это подлинный Стаббс. Хотя тот парень все равно предложил нам отличные деньги.

– Покупатель?

– Ну, тот мужчина, который заезжал за ней.

– Конечно, – торопливо сказала я, – Руперт!

– Нет, – помолчав, отозвалась миссис Тайгер, – кажется, его звали по-другому…

– Неужели? Конечно я ошиблась, – попыталась я скрыть замешательство, – что ж, я просто хотела убедиться, что у вас есть наши контакты на случай, если вы захотите, чтобы мы взглянули на другие картины. Мы любим работать с постоянными клиентами!

– Было очень мило с вашей стороны посоветовать нам обратиться в другую галерею.

– Да-да… Без проблем. Не стану больше отрывать вас, но вы, случайно, не помните имя человека, который приезжал за картиной?

– Нет, а что? – спросила она голосом, по которому было слышно, что разговор ей изрядно надоел.

Я пробормотала что-то невнятное, с кучей профессиональных терминов, поблагодарила ее, повесила трубку, присела на крышку унитаза и задумалась. Миссис Тайгер ничтоже сумняшеся заявила мне, что картина не подлинник. Она продала ее за хорошие деньги и радовалась, что выручила круглую сумму за подражателя великого Стаббса. А теперь наш отдел собирается выставить на аукцион эту же самую работу!

Я еще раз взглянула на макет каталога: картина по традиции должна была фигурировать с пометкой «Из частной коллекции». Коллекционером я, разумеется, сочла мистера Тайгера, а выходит, это кто-то другой. История Руперта никак не противоречила тому, что я раскопала в их архиве: картину неправильно оценили, поэтому, видимо, именно тот загадочный парень, купивший ее у Тайгеров, и догадался, что имеет дело с подлинником, а теперь решил продать картину через нас. Что ж, Тайгерам не повезло, но я совершенно не собиралась ставить их об этом в известность, я же не дура. Если парень обвел их вокруг пальца, мы тут ни при чем – он честно заплатил цену, на которую те сами согласились, и имеет полное право снимать сливки. Но все-таки что-то во всей этой истории было не так… Меня охватило беспокойство, странное предчувствие, которое не покидало меня до тех пор, пока около трех в отдел наконец не прошествовал Руперт, явно имевший удовольствие со вкусом отобедать, и не пробормотал что-то насчет затянувшейся встречи в «Бруксе». В «Бруксе», кстати, персонал раздает подушки клиентам, если те захотят

вздремнуть в библиотеке после обеда.

– Увидимся вечером, Анджелика, – сказал он, направляясь к выходу.

– Ага, Руп, увидимся, – отозвалась та, не отрывая глаз от смартфона, – видимо, опять строчила свои эсэмэски.

Только я успела подумать о том, где это они увидятся вечером, как Руперт подошел к моему столу и стал рыться в своем портфеле.

– Э-э-э… Джудит, я тут подумал, может быть, тебе будет интересно, – сказал он, протягивая мне внушительных размеров конверт. – Анджелика тоже пойдет. Немного светской жизни не повредит. Выглядеть надо на пять баллов!

– Постараюсь, Руперт!

– Не сомневаюсь. Ты всегда… э-э-э… хорошо выглядишь! Тогда увидимся!

Конверт я вскрыла не сразу, чтобы Анджелика не подумала, что я не знаю, о чем идет речь, но когда наконец открыла его, то не смогла сдержать довольную улыбку. Руперт вручил мне приглашение на прием Тентисов в галерее «Серпентайн». «Тентис и Тентис» – огромное архитектурное бюро, недавно закончившее большой проект в Сити, в рамках которого были построены самые дорогие квартиры во всем Лондоне. Бульварные журналы в «Гштаде» пестрили новостями об этом событии. Руперту удалось сбагрить им целую партию картин восьмидесятых годов, оставшихся после недавних аукционов, и те украсили ими стены миллионеров. Я целую неделю просидела, собирая провенанс на всю эту мазню. Прием устраивали в честь грядущего сотрудничества с арт-ярмаркой «Фриз мастерс». Руперт сам меня туда пригласил! Там будут фотографы – значит, возможно, мое фото увидят девочки из клуба, а может, даже мои потаскухи-одноклассницы!

Внизу плотной классической пригласительной карточки кремового цвета значилось: «Дресс-код: вечернее платье». Платья в пол у меня не было, но в таких делах экономить противопоказано! Остаток дня я смотрела на часы и, как только пробило пять, побежала в банк на Пикадилли, потом взяла такси, а к шести уже вернулась домой, заехав по пути в «Харви Николс», счастливой обладательницей минималистичного черного платья в пол от Ральфа Лорена,

которое закреплялось на одном плече практически невидимой золотой цепочкой. Платье стоило нереальных денег, но я старалась об этом не вспоминать, может, потом надену его в клуб. Меня совершенно не волновало, что Руперт думает о моем чувстве стиля, но мне впервые выдалась возможность завязать контакты с серьезными людьми, а значит, я должна выглядеть безукоризненно!

Украшения я подбирала долго. Крошечные серьги-гвоздики с бриллиантами, которые мама подарила мне на двадцать один год, я уже давным-давно сдала в ломбард в Хаттон-Гарден, поэтому решила, что отсутствие украшений лучше, чем дешевые украшения, и не стала ничего надевать. Платье было элегантным само по себе, оставалось только надеть самые простые туфли на каблуке. Я выпросила у соседки Пэй черный клатч «Гуччи» – и вуаля, образ готов! Минимум косметики, только немножко туши и чуть-чуть малиновой помады. Вызвала такси, чтобы не растрепать прическу, водитель посмотрел на меня так, что я сразу же успокоилась и поняла: выгляжу на все сто.

Около красной ковровой дорожки, протянувшейся от стеклянного павильона в Гайд-парке, собралась толпа папарацци, сверкавших всеми оттенками розового и малинового, словно космический корабль в стиле ретро. Парочка из вежливости пару раз щелкнула камерами, но все равно было приятно. Издалека доносилось гудение праздника – звуки сливались в органичный гул, похожий на урчание огромного зверя. Я протянула швейцару приглашение, он сделал мне знак проходить, и я на секунду прикрыла глаза, предвкушая океан удовольствия, в который вот-вот окунусь.

Наверное, так почувствовала бы себя Золушка, если бы ей все же удалось попасть на бал, а он оказался бы корпоративной вечеринкой заштатной страховой компании. Даже аромат огромных уличных свечей «Джо Мэлоун» не мог перебить кисловатый, навязчивый запах дешевого шампанского. Сотни мужчин с нездоровым цветом лица, в плохо сшитых костюмах, толпились вокруг бесплатного бара с фанатичным блеском в глазах, достойным мормонов, когда те решили оторваться по полной в Атлантик-Сити. Откуда «Тентис и Тентис» набрали такой контингент – неизвестно. Среди этого океана посредственности я разглядела голову вышедшей в тираж супермодели – ее худая, высокая фигура торчала словно палка среди всего этого безобразия. Если не считать этой «знаменитости», у меня было такое ощущение, что я оказалась в дешевом диско-баре в пятницу вечером.

Вспомнив о чеке на круглую сумму из «Харви Николс», я ощутила мучительный укол совести. Единственным человеком, кроме меня, который решил соблюсти дресс-код, оказался Руперт. Благодаря внушительному животу вокруг моего начальника образовалось нечто вроде ВИП-зоны. Он беседовал с галеристом по имени Кэмерон Фицпатрик, с которым я была едва знакома. Я поймала взгляд Руперта, и его бочкообразное тело тут же двинулось в мою сторону. Смокинг редко идет мужчинам, но Руперту он оказался на удивление к лицу, и я поймала себя на том, что в кои-то веки искренне рада его видеть.

– Руперт! – Обворожительно улыбаясь, я помахала ему клатчем. – Привет!

– Э-э-э… Джудит, добрый вечер, а ты… ну да, конечно… Я, если честно, уже ухожу. Приглашен на ужин.

– Не буду вас задерживать, просто хотела сказать, что провела дополнительную работу по изучению провенанса Стаббса.

– Что?

– Новая картина Стаббса, которую мы обсуждали на собрании, помните?

– Джудит, мне надо бежать, поговорим завтра, – бросил он через плечо и исчез.

Теперь вся надежда у меня была только на Фицпатрика, но и тот растворился в толпе. Я протолкалась к барной стойке, миновав стайку девушек в микроскопических размеров платьях и туфлях, которые, судя по всему, они позаимствовали у Колин Руни, не спросив разрешения. От разочарования я не смогла даже толком насладиться взглядами, которыми они меня провожали. Они явно краем уха где-то слышали, что нижняя часть женского тела обладает определенной притягательностью для мужчин, но на этом их мысль и остановилась. Да, юбка, которая демонстрирует все, что нужно для определения даты последнего визита к косметологу на предмет депиляции, не лучший способ заявить о женской эмансипации. Чем закончится их вечер, я рискнула бы угадать с одной попытки – около трех ночи они будут исполнять пародию на стриптиз, сидя на коленях у какого-нибудь перемазанного майонезом мажора-неудачника где-нибудь в клубе «Восемьдесят». О нет, это не для меня! Джудит, успешный арт-дилер и элитная девушка на один вечер, достойна большего! Пить мне совершенно не хотелось, но, чтобы как-то убить время, я прихватила пару

бокалов и медленно продефилировала через зал, притворяясь, что один из них предназначается для моего несуществующего собеседника. Впрочем, особого удовольствия весь этот спектакль мне не доставил.

Анджелика, разумеется, так и не появилась. В живописи она, может, и не разбирается, но наверняка обладает достаточным опытом светской жизни, чтобы понимать, на какие вечеринки ходить не стоит. Еще один пример тайного шифра, который мне так и не удается разгадать! Да как я могла на это купиться? Как могла поверить, что здесь меня ожидает нечто из ряда вон выходящее?! Да и что? Элегантная беседа с элегантной публикой, на ходу изящно пошутить с Джеем Джоплингом, после чего тот, разумеется, украдет меня с бала, отвезет в «Вулзли» и усадит за тот самый столик, где любил отужинать Люсьен Фрейд?!

Такое мне не светит, потому что я просто серая мышь! Выскочка из низов! Боже, какое унижение! Даже папарацци уже отправились на поиск мероприятий поинтереснее. Престарелой супермодели тоже след простыл – ушла, наверняка засунув между вываливающихся из декольте грудей жирный чек, туда, где тусуется настоящая элита. Господи, какая же я дура! Сначала я подумала, что в наказание за глупость стоит пойти домой пешком, но потом поняла, что слишком расстроена. Ну потрачу еще двадцатку на такси, и что? Ладно, хотя бы расскажу Дейву, что была на настоящем приеме, он такое любит. Но неужели так бывает всегда? Неужели Лондон и правда похож на матрешку? Стоит тебе открыть первую блестящую лаком куколку, как внутри ее оказывается еще одна, а потом еще и еще… Вне себя от раздражения, я протянула водителю деньги, на ходу начиная теребить ненавистное платье, тонкая цепочка лопнула, и я в ярости схватила подол около разреза и разорвала чертову тряпку пополам, к вящему изумлению проходившей мимо пожилой пары, державшей в руках программки из Альберт-Холла.

Бледная от гнева, я вошла в квартиру и с трудом стала пробираться по коридору, заставленному неимоверным количеством велосипедов, насосов и шлемов. Зайдя на кухню, я обнаружила на столе коробочку с запиской, на которой было всего два слова: «Для Джуди». В коробке оказалась розовая керамическая кружка с толстыми стенками и заячьими ушками. В записке говорилось: «Прости, пожалуйста! Я случайно разбила твою чашку, поэтому дарю тебе новую!» В конце моя идиотка-соседка еще и смайлик пририсовала! Бросив взгляд в мусорку, я увидела осколки чашки и блюдца – идеальная кофейная пара от «Виллерой 1929», глазурованный фарфор цвета абсента. Я

ходила вокруг нее две недели в пассаже «Кэмден», но потом все-таки не выдержала. Чашка была недорогая, всего сорок фунтов, но дело не в этом! Не в этом дело! Я решила поискать суперклей в ящике жуткого буфета в псевдовикторианском стиле, но ящик заклинило, я со всей дури шарахнула ногой по основанию буфета, ножка отвалилась, буфет накренился, дерьмовая посуда задребезжала и посыпалась. Несколько минут я приходила в себя, а потом стала наводить порядок на кухне, которая превратилась в сущий ад.

7

Проснулась я в пять утра, голова гудела. Лежа на постели, обнаженная, я, как всегда страдальчески, смотрела в потолок. Из-за работы в клубе я потеряла способность четко мыслить. Новые подружки, легкие деньги – все это сбило меня с толку. Но теперь я возьму себя в руки и все сделаю правильно! Раскопаю, откуда взялся этот Стаббс, чего бы мне это ни стоило! Ну сходила на дурацкую вечеринку, зря потратила время – бывает! А теперь надо сосредоточиться!

На работу я пришла пораньше, надеясь сразу же поговорить с Дейвом, но Лора загнала меня в угол и заставила провести все утро за анализом минимальных цен на Стэнли Спенсера, чтобы помочь какому-то брокеру смухлевать с налогами на прибыль от торгов. Налоги на прибыль – пожалуй, единственная сфера, в которой наш отдел умел по-настоящему проявить нечто похожее на деловые качества. В обед я спустилась в хранилище, но, не застав там Дейва, позвонила ему на мобильный и предложила зайти в бар после работы. Потом пошла в «Н. Пил» и купила чудесный свитер из голубого кашемира, который стоил примерно столько же, сколько платье в «Харви Николс». Потратив кругленькую сумму, я почему-то почувствовала себя лучше и уже не так переживала из-за неудавшейся вечеринки. Переодеться я решила в женском туалете в Лондонской библиотеке на Сент-Джеймс-сквер, тогда я успела бы встретиться с Дейвом в баре «Виноградная лоза» на Дюк-стрит. Дейв вошел туда, прихрамывая. Он был слишком горд, чтобы ходить с тростью, а я уже ждала его за столиком с пинтой «Гордости Лондона» и тоником для себя.

– Спасибо за пиво, Джудит, но моя хозяйка заревнует.

Я в двух словах объяснила ему, что все мои записи о картине пропали, что Стаббса приобрели не напрямую у пары из Уорминстера, а через таинственного посредника. Все это звучало странновато, но я была уверена: с этой картиной

что-то нечисто, хотя и не могла объяснить почему. После вчерашнего фиаско на вечеринке мне казалось еще более важным доказать всем, да и себе самой, что я права насчет этого Стаббса.

– Я хочу сама взглянуть на нее, Дейв. Ее ведь уже привезли? А у тебя глаз вообще наметанный! Не верю я во все эти более поздние слои краски!

– Погоди, ты хочешь сказать, что Руперт пытается сбыть подделку?! – тихо переспросил Дейв.

– Нет-нет, что ты! Думаю, он просто ошибся, а мне не хочется, чтобы он выглядел дураком, вот и все! А если я помогу ему не выглядеть дураком, то сама окажусь умной, что меня, в принципе, устраивает. Ошибки в установлении авторства время от времени случаются, так ведь? Ты же сам знаешь! Ну пожалуйста, всего десять минут, а потом можешь обозвать меня дурой и мы закроем эту тему!

– Джудит, для этого есть эксперты. Ну и вообще, мне понадобятся инструменты…

– Дейв! Тебе ведь небезразлично то, чем мы занимаемся? Ты ведь хочешь, чтобы мы продавали только подлинники? Честь полка и все такое?

– Нам надо попросить разрешения у начальства…

– Я здесь работаю, ты тоже! У нас есть пропуска! Я что, не могу пойти погрузиться в созерцание шедевров, как мне все время нудит эта чертова Лора?!

– Десять минут.

– Не больше! Обещаю! Ну давай, – ласково замурлыкала я, – мы же с тобой друзья, верно?

– Ладно, уговорила…

Почти все сотрудники уже ушли, поэтому мы с Дейвом зашли с черного хода по его пропуску. В хранилище мы спустились с фонариками, поскольку там всегда

царил полумрак, чтобы не нанести вред картинам слишком ярким освещением. Дейв сразу же направился к нужному контейнеру и достал из него картину. Я показала ему, где, по моему мнению, раньше находился указатель с надписью «Ньюмаркет» и где была сигнатура.

– Ну не знаю, Джудит. По-моему, все в порядке…

– А указатель? Он же был прямо здесь. Слушай, а лаку этому сколько лет?

Мы склонились над полотном, ощупывая место, где раньше был указатель.

– Если его затерли, – приходя в возбуждение, заговорил Дейв, – то должен был остаться след на нижнем слое краски! Надо посмотреть в другом освещении!

– Так давай передвинем!

– Да, так где же все-таки стояла сигнатура? – раздался из полумрака голос Руперта.

Не зря говорят, что полные люди умеют на удивление бесшумно передвигаться, подумала я и совершенно по-идиотски рассмеялась:

– Руперт! Привет! Прости, мы тут просто…

– Потрудись объяснить, что ты тут делаешь! Ты младший сотрудник и не имеешь права здесь находиться!

На самом деле ничего в этом такого не было, я частенько спускалась в хранилище после окончания рабочего дня – обычно по просьбе самого Руперта.

– Что это вы тут затеяли? – немного успокоившись, повернулся Руперт к Дейву. – А тебе, Дейв, уже давно пора домой!

Оцепенев от ужаса, Дейв неразборчиво пробормотал «Добрый вечер!». Как же меня коробило, когда он обращался к Руперту «сэр»! При нем Руперт держался подчеркнуто вежливо и сдержанно, но стоило Дейву, прихрамывая, уйти из хранилища, как он повернулся ко мне и вперился в меня пристальным взглядом.

В голубоватом тусклом свете ламп он напоминал гротескно раздувшуюся фигуру с картины Эль Греко. Я знала, что он не станет устраивать мне сцену: люди, обладающие реальной властью, никогда не повышают голоса без крайней необходимости.

– Джудит, я уже давно хотел с тобой поговорить. Не думаю, что ты здесь на своем месте, да ты и сама это понимаешь, правда? Я хотел дать тебе шанс, но в отделе многие на тебя жалуются. А твои комментарии насчет Стаббса на собрании были совершенно неуместны и, честно говоря, просто бесцеремонны.

– Я подумала… Я хотела… Но не была уверена, – залепетала я, неуклюже оправдываясь, словно провинившаяся школьница, тут же разозлилась на себя, но остановиться уже не могла.

– Думаю, тебе лучше забрать свои вещи и покинуть нас, согласна? – холодно перебил меня Руперт.

– Вы… вы что, меня увольняете?!

– Что ж, если ты предпочитаешь такую формулировку, то – да, увольняю!

Я совсем растерялась. Вместо того чтобы возразить, попытаться защитить себя, я взяла и расплакалась. Абсурд! Давно сдерживаемые слезы от бессилия и невозможности получить желаемое брызнули из глаз, как будто пробившийся сквозь землю гейзер, и я поневоле оказалась в положении женщины, униженной мужчиной. На глаза навернулись крупные горячие слезы ярости. Ясно, Руперт что-то скрывает! Да он даже приглашение на эту идиотскую вечеринку дал мне только для того, чтобы задобрить и заставить замолчать! Но так ведь нельзя! Я же пытаюсь поступить правильно, сделать все как надо!

– Руперт, прошу вас, выслушайте меня! Я не делала ничего плохого, я все вам объясню!

– Меня не интересуют твои объяснения!

В отдел мы возвращались молча. Я шла по узким коридорам, а он следовал за мной, как охранник, ведущий по тюремным коридорам заключенного. Потом,

сложив руки на груди, стоял и смотрел, как я собираю все, что валяется на моем столе, и засовываю в дипломат, на дне которого лежало платье и туфли для клуба. Мне не хотелось даже смотреть на них.

– Ты готова? – спросил он, и я обреченно кивнула. – Тогда будь любезна сдать пропуск. Думаю, мне не придется просить охрану проводить тебя к выходу. Все, Джудит, ты свободна!

Протягивая ему пропуск, я думала о полковнике Моррисе. О том, что я была практически в услужении у Руперта: забирала его костюмы из ателье, рубашки из прачечной, отвечала на телефонные звонки, работала сверхурочно в библиотеке и архивах, стараясь доказать, что чего-то стою, что я умнее, сообразительнее и способнее других. Я работала покорно и усердно. Ни разу не показала, что чувствую себя униженной и исключенной из круга приближенных. Ни разу не дала понять им – Лоре, Оливеру и Руперту, – что чувствую себя принадлежащей к иному кругу, хотя, сказать по правде, мой оксбриджский диплом котировался куда выше, чем все их дипломы, вместе взятые! Я и правда верила: если буду усердно трудиться, то со временем смогу подняться до их уровня. Конечно, я никогда не питала иллюзий насчет того, что Руперт ценит меня или хотя бы уважает, но думала, что хотя бы могу быть полезным, стоящим работником. Какой же я была дурой!

– Теперь вы возьмете на мое место Анджелику? – спросила я таким обиженным, детским голосом, что даже самой стало противно.

– Это тебя не касается. А теперь будь добра покинуть помещение!

Я подняла залитое слезами лицо и посмотрела ему в глаза. Каково это – проснуться утром и не пойти на Принс-стрит? Не войти в прохладное фойе, не коснуться шершавых резных перил знакомой лестницы? Я упустила свой шанс. Мне удалось ненадолго заглянуть за ворота запретного сада, пусть ненадолго, но все-таки на какое-то время я стала частью того мира и каждый день поднималась еще немного выше. Я подумала о том, как мне снова придется рассылать резюме и что из этого выйдет. Я все испортила. Потеряла контроль. Я позволила себе хотеть слишком многого, хотеть слишком сильно, я поступила опрометчиво! Дура, дура, дура! Я позволила себе не злиться на всех и вся, а сыграть в Поллианну, наивную дурочку, которая решила взять и помочь всем несчастным детишкам! Гнев всегда помогал мне, а я позволила себе избавиться от него! Гнев помогал мне держать голову высоко и не вешать нос, гнев помогал

мне выдерживать агрессию и презрение. Гнев помог мне поступить в университет после заштатной общеобразовательной школы, он был моей силой и утешением. На мгновение я испытала это раскаленное добела, жгучее ощущение внутри себя и представила себе окровавленное лицо Руперта, склонившегося в три погибели над компьютером. Ну давай, соблазнял меня Гнев, всего разочек, ну же! На моем дипломате на углах были латунные замки, и я представила себе, как от души двину этой сволочи в висок, но до этого доводить не обязательно. Кулаки и челюсти непроизвольно сжались, на руках выступили вены, мне хотелось вцепиться ему в горло. Руперт пристально наблюдал за мной, и в его глазах мелькнула тревога. Вот и все, этого-то мне и было надо!

– Знаете, что я вам скажу, Руперт, – невозмутимо произнесла я, – вы настоящий сукин сын! Толстожопый, бесталанный сукин сын, который мнит себя пупом мира!

– Убирайся отсюда! – побагровел он, и в этот момент я перестала понимать, кого из нас я презираю больше.

Чтобы как-то наладить отношения с собственным Гневом, я решила, что нам стоит напиться. Гнев – отличный собутыльник, не отставал от меня ни на бокал. К приходу Джеймса я приговорила с другим клиентом почти две бутылки «Болле», и на этот раз пила по-честному. Не удосужившись попрощаться с очередным клиентом, я встала и ушла, оставив того сидеть с открытым ртом, а сама плюхнулась на диван рядом с Джеймсом, и Карло тут же достал нам бутылку «Кристаля».

– Сегодня я, пожалуй, выпью, если ты не против.

– Тяжелый денек выдался? – спросил он, и я согласно кивнула.

Иногда бывает, что напиваешься на радостях, но сегодня не тот случай. Я ощущала себя холодной, циничной сукой. Подняв бокал, я произнесла какой-то ничего не значащий тост. Да, это все, конечно, неприлично, но мы с Гневом, в конце концов, не просто так приходим в бар последней надежды.

– Джеймс, давай начистоту. Сколько ты готов заплатить за то, чтобы меня трахнуть?

– Секс за деньги меня не интересует, – ответил он, посмотрев на меня сначала с удивлением, а потом с легким отвращением.

– Почему? Разве деньги важнее секса?

– Лорен, что случилось?

Если бы все происходило в кино, то сейчас как раз начался бы монтаж: водоворот воспоминаний, маленькая Джудит оканчивает школу, полумертвая от усталости Джудит приходит домой с работы, корпит над каталогами, Руперт увольняет Джудит, и по ее щеке сбегает одинокая слезинка, а потом она оказывается в каком-то занюханном подвале и с удивлением понимает, что этот мерзкий толстяк – ее последняя надежда. Та Джудит встала бы, вежливо улыбнулась и легкой походкой направилась навстречу своему светлому будущему, потому что она ни на что не готова променять свою свободу. Что ж, сказку о том, чтобы все начать с чистого листа, я слышала не единожды. Если я рождена для другого, то, по крайней мере, сделаю все как надо. Мы с Гневом на многое способны.

Я позволила давно сдерживаемым слезам выступить на глазах, так чтобы они соблазнительно поблескивали на кончиках ресниц, делая их похожими на лепестки гиацинта после дождя, нижняя губа чуть-чуть задрожала, но я тут же прикусила ее и взглянула на Джеймса снизу вверх:

– Джеймс, прости меня… Это было так пошло с моей стороны… Просто это место… Я не хочу, чтобы ты считал меня такой… Я проверяла тебя. Понимаешь, ты такой замечательный, а я… Я просто…

Даже такое раздутое до раблезианских масштабов эго, как у Джеймса, не устоит перед словом «любовь», поэтому для начала я решила просто всплакнуть. Надо сказать, особых усилий от меня не потребовалось. Джеймс протянул мне белоснежный носовой платок, от которого пахло стиральным порошком, и я вспомнила, как мама, в моменты просветления, купала меня, а потом заворачивала в чистое белое полотенце, от которого пахло точно так же, и вот тут я зарыдала по-настоящему. Потом я рассказала Джеймсу, что напугана, так как лишилась работы в арт-галерее, а когда он сказал, что, возможно, мне стоит съездить куда-нибудь на выходных и отвлечься, притворилась, будто никогда не была на юге Франции, сказала, что это было бы просто чудесно, но надо взять с

собой мою подругу – ну, чтобы он понял, Лорен не из таких! Ну или, по крайней мере, не совсем. Я шептала что-то сбивчивое и позволяла ему убеждать меня в обратном. На самом деле подругу я приплела, разумеется, именно для того, чтобы оказаться с ним в одной постели. Тем более вдруг он предпочитает секс втроем – надо быть во всеоружии. Мне достаточно было всего лишь намекнуть, что мое согласие стоит примерно три тысячи фунтов, надо же мне как-то перекантоваться, пока не найду работу. Наконец он ушел, оставив на столе тысячу фунтов – стоимость двух билетов до Ниццы, я подошла к Мерседес и сообщила ей, что мы отправляемся отдохнуть на Ривьеру.

– Господи, Джуди, – восхищенно вздохнула она, – ты на кокс его подсадила, что ли?!

8

Некоторое количество пятидесяток, полученных от добряка Джеймса, я потратила на экипировку для поездки. Купила в маленьком магазинчике в Мэрилебоне коричневую дорожную сумку из плетеной кожи и дамскую сумочку в комплекте – вполне могло сойти за «Боттега Венета», бикини на завязках «Эрес», темные очки «Том Форд» и бирюзово-бежевый шарф «Вуиттон Спрауз». Когда мы вышли из самолета в Ницце, я с удовлетворением отметила, что эти аксессуары сделали меня похожей на многих других женщин, приехавших сюда отдохнуть на выходные: идеально ухоженная, но при этом без видимых приложенных для того усилий. Мерседес, с которой мы договорились называть друг друга клубными именами, чтобы не выдать себя, выглядела на удивление сдержанно – простые джинсы и белая футболка. Джеймс ждал нас в кафе в терминале прибытия. С глубоким вздохом я посмотрела на его огромный, ставший уже привычным живот и пятна пота на бледно-розовой рубашке. Да, он, конечно, толстый, но неужели нельзя хоть немножко привести себя в норму? Наверное, так проявлялось его самомнение, как будто он настолько богат, что может позволить себе наплевать на мнение о нем других людей, что на самом деле так и было. Внезапно мне отчаянно захотелось вернуться в свою жуткую квартирку, туда, где я провела столько времени, строя планы, мечтая, укрывшись от всех в своем вымышленном мирке и убедив себя в том, что желанное будущее непременно настанет. И вот будущее настало. По крайней мере на ближайшие несколько месяцев, если мне не удастся придумать что-нибудь получше, мое будущее – Джеймс. Я смогу, уговаривала я себя, должна смочь! Главное – держать себя в руках.

Молодой марокканец в темном пиджаке с эмблемой «Отель „Дю-Кап-Эден-Рок“» погрузил наш багаж в длинный черный автомобиль, Джеймс взгромоздился на переднее сиденье, и рессоры скрипуче застонали под его весом, словно старая кровать. Я старалась не смотреть на Мерседес.

– S’il vous pla?t, Mesdemoiselles[4 - Прошу вас, дамы (фр.).], – произнес марокканец, открывая заднюю дверь.

Я уселась на сиденье, обтянутое кожей цвета слоновой кости. В машине было прохладно, окна затонированы, двигатель издавал низкое, урчащее гудение. Тогда я обратила внимание именно на это. Джеймс возился с телефоном, так что мне не надо было развлекать его светской беседой. В отеле Мерседес восторженно сжала мою руку, слегка подтолкнула и воскликнула:

– Джеймс, это просто потрясающе!

– Да, очень мило! – тут же поддержала ее я.

Мы послушно ждали в отделанном черной мраморной плиткой холле, пока Джеймс регистрировался. Администратор попросила у нас паспорта, но я быстро ответила ей по-французски, что документы остались в багаже и я принесу их чуть позже. Мне не хотелось, чтобы Джеймс увидел наши настоящие имена, – это испортило бы всем нам настроение.

– А ты круто шпаришь по-французски! – удивленно похвалила меня Мерседес.

– Думаю, Джеймсу об этом лучше не знать, – пожав плечами, отозвалась я.

Нас проводили в люкс на третьем этаже. Из огромной гостиной с белыми диванами и вазами с изысканными композициями из белых лилий две двери вели в отдельные спальни. За двустворчатыми дверями находился балкон с видом на зеленую лужайку, спускающуюся к тому самому знаменитому бассейну, который я столько раз видела в модных журналах. Вдали, по направлению к Каннам, виднелся старый порт и огромные корабли. Похоже, главное слово для описания всего происходящего – огромный. Справа от отеля открывался вид не на мыс Антиб, а на Каннский залив.

Даже среди всех этих мегаяхт одна из них выделялась особенно сильно – ее корпус возвышался среди остальных судов, словно морское чудовище кракен. Ее я тоже видела на фотографиях. Владелец, Михаил Баленски, Человек из Стана, как его называли в британских газетах, был узбекским промышленником, чья карьера, даже по самым трезвым оценкам, казалась историей из комикса. Начал он с нефтянки, потом переключился на торговлю оружием, однако быстро понял, что в мире ведется слишком мало войн, чтобы сделать на таком бизнесе хорошие деньги, и решил восполнить дефицит самостоятельно. Проспонсировал каких-то невменяемых повстанцев в маленькой, никому не известной стране, снабдил оружием обе стороны конфликта, отошел в сторону и стал смотреть, как те дерутся между собой, а затем выкупил все ценные активы, оставшиеся у правительства, которое, собственно говоря, пришло к власти благодаря ему. Крайне эффективная бизнес-модель. Все это случилось лет двадцать назад, а теперь Баленски был завсегдатаем светских раутов вместе с главами государств, постоянно мелькал то на «Мет-болл», то на летней вечеринке в «Серпентайне», раздавал направо и налево миллионы тем, кого всякие отвратительные филантропы считали достойными объектами для его добрых дел. Поразительно, как можно расширить свою эрудицию, читая журнал «Хелло!».

– Мадемуазель? – тихо произнес портье, отвлекая меня от размышлений о светской жизни Ривьеры.

Я протянула ему заранее приготовленную купюру в десять евро и попросила поставить наши вещи в спальню слева, а вещи месье – справа. Что бы там у Джеймса ни было на уме, спать с ним в одной постели я точно не собиралась. На всякий случай я вышла на балкон, повернулась к Джеймсу спиной и сделала вид, что разглядываю окрестности. Он подошел ко мне сзади и взял за руку:

– Ты довольна, дорогая?

Дорогая! Господи боже мой!

– Здесь чудесно! – ответила я, выдержав необходимую паузу.

– А еще у меня есть для тебя подарок, – таинственно улыбаясь, заявил он и протянул мне обычный черный пластиковый пакет, – чтобы было во что переодеться. Не сейчас, попозже.

Стараясь не думать о том, что это за подарочек, я заставила себя встать на цыпочки и чмокнуть его в толстую, обвисшую щеку и прощебетала:

– Спасибо, дорогой! Ты такой внимательный!

– Я подумал, что мы можем пообедать у бассейна, а потом съездить в Канны, пройтись по магазинам. Девочки же любят шопинг, да, дорогая?

– Супер! Пойду переоденусь!

Мерседес носилась по ванной, разглядывая туалетные принадлежности от «Булгари».

– Боже, Джуди, да эта ванная больше, чем вся моя квартира!

– Быстро ищи мини-бар! – зашипела на нее я. – Мне надо выпить! Срочно!

К ланчу, который подавали в «Эден-Рок» около бассейна отеля со стороны скал, Джеймс спустился в пестрых плавках «Вилебрекин» и расстегнутом белом халате, болтавшемся по обе стороны от его молочно-белого пуза. Бросив украдкой взгляд поверх солнцезащитных очков, я увидела, что в бассейне плещутся светловолосые детишки, которые при виде Джеймса тут же принялись хихикать и показывать на него пальцем, пока няня не шикнула на них. Мы заказали одно и то же: салат с лобстерами и перье. Джеймс щедро намазывал маслом, поданным на льду, булочки из хлебной корзины и отправлял их в рот. Крошки падали изо рта, исчезая в многочисленных складках подбородка и седых волосах на груди. Он напомнил мне ожившую картину Люсьена Фрейда, но легче от этого не стало. Мерседес ковырялась в салате и вертела в руках телефон, и я подумала, что придется отучить ее держать нож, как ручку. Я попросила Джеймса еще раз рассказать о тех незабываемых днях на Ривьере, когда он был настоящим плейбоем, и притворилась, что очарована его историями про то, как он танцевал с Элизабет Тейлор в клубе «Джиммиз» и веселился с Дайон Уорвик в «Гольф-Жуане». Да ведь он не просто пытается убедить меня в том, что был настоящим ловеласом, с удивлением поняла я, он и сам в это верит.

После обеда нас отвезли на набережную Круазет. На пляже отеля «Карлтон», недалеко от берега, смущенно плескались женщины в паранджe. Небо затянуло облаками, влажность была невероятная, поэтому Джеймс был явно не в духе и раздраженно убеждал водителя, что ему лучше знать, где припарковаться, а потом отругал его на ломаном французском за то, что тот объехал квартал три раза в поисках того самого места. Я сразу поняла, что на длительный поход по магазинам его терпения не хватит, и предложила остановиться у магазина «Шанель» и попросить водителя подождать нас. Зайдя в бутик, я первым делом попросила у продавщицы стул, чтобы Джеймс смог отдохнуть, пока мы с Мерседес будем выбирать сумки. Она оскорбленно посмотрела на меня, не понимая, как мне вообще такое могло прийти в голову, но потом увидела вошедшего за нами в магазин Джеймса и быстро сказала:

– Tout de suite, Madame![5 - Сию минуту, мадам (фр.).]

Я знала, что мне нужно: классическая стеганая сумочка из черной кожи с золочеными ручками, а вот Мерседес, дрожа от нетерпения, разглядывала стойку с твидовыми пальто, совершенно неподходящими для нынешней погоды. Пальто были просто чудесные, я с радостью примерила бы одно из них, чувствуя, как шелковая подкладка скользит по моим обнаженным рукам, глядя, как блестит вшитая в шов золотая цепочка, но Джеймс явно начинал уставать от роли доброго папочки.

– Какую ты хочешь сумку, Мерседес?

– Большую!

Продавщица неторопливо упаковывала сумки в папиросную бумагу и фирменные мешочки «Шанель» из черного хлопка, а потом наконец положила их в плотные, приятные на ощупь подарочные пакеты, перевязанные лентами. До меня быстро дошло, что раздражительность Джеймса связана с тем, что он никак не мог смириться с тем фактом, что постоянная усталость и ощущение дискомфорта – это его личная проблема, а остальной мир она совершенно не волнует, с тем, что он просто слишком толстый, вот и все. Однако он галантно протянул свою карту, и мы с Мерседес чинно отвернулись, делая вид, будто разглядываем шарфики. Но когда я предложила пройтись по мощеным, круто поднимающимся вверх улочкам, что, в общем-то, было довольно жестоко с моей стороны, а он отказался и заявил, что предпочитает вернуться в отель и устроить небольшую сиесту, я поняла: за удовольствия придется платить по счету.

Мы вернулись в номер, я быстренько подтолкнула Мерседес в нашу комнату, а Джеймсу на ходу прощебетала:

– Дорогой, пойди прими душ, это так расслабляет!

Пусть хоть помоется, а то придется нюхать его потные подмышки!

– Я тебя ненавижу! – заявила я Мерседес, которая уже собиралась удалиться в бассейн.

– Да не дрейфь! Пообнимаетесь немножко, делов-то! Гляди, что у меня есть! – заговорщицки подмигнула она и извлекла из недр своей необъятной косметички пару баночек с таблетками.

– Это еще что?

– Да ничего такого. Ксанакс, парочка «валиков»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/l-s-hilton/maestra/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Добрый вечер (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

2

Развлекайся! (фр.)

3

Игра слов: фамилия героя Тайгер переводится на русский как «тигр».

4

Прошу вас, дамы (фр.).

5

Сию минуту, мадам (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/l-hilton/maestra-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить